

РАЗВОД

тайна с глазами мужа

НАТАЛИ
Лин

ОКСАНА
Рей

**Натали Лин
Оксана Рэй**

Развод. Тайна с глазами мужа

<https://litres.ru/74258673>

Аннотация

— А что я по-твоему должен был сделать? Бросить своего ребенка на произвол судьбы?

— У тебя в принципе не должно было быть тайного ребенка, Матвей! — голос срывается. Вся моя выработанная годами уверенность трещит по швам.

— Слушай, Вер, давай без истерик. Он уже есть. Ну ошибся. Ну бывает. Я же мужик, в конце концов. Давай сделаем вид, что ничего не было. Между нами ничего не изменится.

Почти двадцать лет барака, и я узнаю, что восемь из них муж врал мне каждое утро. Восемь лет безжалостной лжи. Восемь лет его внебрачному сыну, о котором я ничего не знала.

Муж говорит, что для нас ничего не изменится. Но он сильно ошибается. Всё очень сильно изменится и скоро он это поймет.

Книга участвует в литмобе "Тайный ребенок мужа"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Визуализация Вера	17
Визуализация Матвей	18
Глава 3	19
Глава 5	24
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 4	42
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	57
Глава 11	61
Глава 12	65
Глава 13	71
Глава 14	76
Глава 15	81
Глава 16	86
Глава 17	91
Глава 18	97
Глава 19	102
Глава 20	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Глава 1

Вера

Деревянный стул впивается в спину уже на пятой минуте. В который раз меняю позу, пытаюсь пристроить ногу под партой так, чтобы она не затекла, но это бесполезно. Здесь всё чужое. Низкие столы, игрушечные стулья, запах клея и дешёвого освежителя.

Я поправляю воротник идеальной блузки. На груди нитка жемчуга. Мелкого, но настоящего. Подарок Матвея на рождение Ани. В ресторане я всегда ношу строгий костюм, а здесь, на собрании, позволяю себе быть чуть мягче. Хотя какая разница, что на мне, если завтра утром мне снова придётся звонить поставщикам и разгребать конфликты на кухне.

Собрание родительского комитета — это добровольная каторга, на которую я подписалась сама. Потому что это ради собственной дочери. Потому что больше никто не хотел брать на себя роль председателя родительского комитета, а у меня вроде как уже привычка управлять всем.

— Девочки, я отниму у вас ещё одну минуточку, — шепчет Ирина Сергеевна, наша молоденькая классная руководительница. Она не так давно в нашей школе, но справляется просто отлично, и всегда знает, как найти подход к детям. — К нам переводится новенький мальчик. Документы уже

подписаны. Он придёт примерно через неделю.

— Посреди года? — Наташа-казначей, дама с идеальным маникюром, поджигает губы. — Это мне пересчитать весь бюджет, чтобы назвать им сумму, которую необходимо сдать на нужды класса?

— У них какие-то обстоятельства, — Ирина Сергеевна виновато улыбается.

— Хорошо, — вмешиваюсь я, чувствуя, как начинает ныть поясница. — Что нужно сделать?

— Добавить маму в родительский чат, ребёнка в детский чат, скорректировать списки. Все необходимые данные, я вам уже отправила. Справитесь, Вера Александровна?

— Да, — киваю я без раздумий.

Мой ноутбук всегда со мной. Аня в театральном кружке, у меня есть немного времени, чтобы разобрать почту, ответить шеф-повару и заодно внести этого новенького.

Собрание заканчивается. Мамы расходятся, цокая каблучками, обсуждая, почём нынче тюльпаны. Гул стихает, и в кабинете воцаряется долгожданная тишина.

Я раскладываю листы. Список класса, план поездок на ближайшие три месяца, ведомость о тратах с полным отчётом. Рутинная, привычная, почти медитативная работа. В папке довольно быстро нахожу анкету ребёнка.

Громов Егор. Дата рождения: 23.02.2018.

Мать: Громова Анастасия Сергеевна.

Ниже номер матери. И дополнительная строка. С помет-

кой “Отец”. Данных отца нет. Стоит прочерк.

Видимо, разведены или, может, не расписаны, — мелькает в голове, и я тут же переключаюсь.

Открываю ноутбук. Пальцы летают по клавиатуре. Навык, отточенный годами отчётов. Егор Громов, адрес, мать, контакты матери...

— Ма-ам!

Голос Ани врзается в тишину, как сигнал пожарной тревоги. В дверях стоит раскрасневшаяся дочка. Хвостики растрепались, на лбу блестит испарина.

— Мам, я так устала! Мы репетировали “Весеннюю капель”, там такие движения дурацкие! — она смешно взмахивает руками. — Я ужасно вспотела. Можно я сок куплю?

— Подожди пять минут, — поднимаю палец, не отрываясь от экрана. — Я почти закончила.

Она подходит, прижимается тёплым плечом к моей руке. От неё пахнет потом и школьной столовой. Она заглядывает в монитор.

— А это кто?

— Новенький мальчик. Будет учиться с тобой в одном классе.

— Новенький? — Аня оживает мгновенно. — А как зовут? Откуда он?

— Аня, — я сдерживаю улыбку. — Его зовут Егор. Тише, дай номер дописать.

— Егор, — тянет она. — Нормально. Первый Егор в клас-

се будет.

— Ань, сядь, — я мягко отодвигаю её. — Посиди минутку, пожалуйста. Я быстро.

Она вздыхает, но послушно плюхается на соседний стул, болтая ногами. Кроссовки с розовыми шнурками стучат по ножке парты. Господи, как же быстро она растёт.

Перевожу взгляд на листок.

Дополнительный номер: 8-915-...

Начинаю вбивать. 8-9-1-5.

Пальцы замирают. Что-то колет внутри, едва уловимо, как заноза. Сверяюсь с предоставленными классным руководителем данными. Вроде всё верно. Достāju телефон. Просто чтобы проверить, бывает же опечатка в документах. Набираю начало номера. Телефон доводит комбинацию до конца и высвечивает имя.

Любимый муж ♥#

Я смотрю на экран. Медленно моргаю.

— Что за...ерунда? — шепчу я.

— Что? — моментально реагирует Аня. — Мам, что случилось?

— Ничего, — голос садится. — Здесь какая-то ошибка.

Стираю номер. Набираю заново. Медленно. По одной цифре. Сверяясь с данными.

Любимый муж ♥#

В груди холодеет. Это не сбой. Я знаю номер Матвея наизусть. Он не менял его никогда. Это номер его бренда, его

визитка, его связь с партнёрами. У него даже симки отдельной нет для личного использования.

— Ма-ам! — Аня дёргает меня за рукав. — Ну, пошли уже! Я пить хочу!

— Аня, погоди! — срываюсь я, и тут же вижу, как обиженно вытягивается её лицо. — Прости. Просто..., — я притягиваю её к себе, вдыхаю запах волос. — Маме нужно позвонить. Я быстро.

— Папе? — в её глазах вспыхивает надежда.

— Нет, — выдыхаю я. Достаяю из кошелька банковскую карту и протягиваю ей. — На, сходи пока в буфет. Купи сок. И пирожок. Или что ты там ещё хотела. Я позвоню и подойду.

Аня хватается за карту и вылетает в коридор, моментально забыв про обиду.

Я остаюсь одна. В пустом классе, под гул ламп. Сжимаю телефон так, что костяшки белеют.

Набираю номер матери мальчика и нажимаю на вызов.

Гудок. Второй. Третий.

— Алло? — женский голос. Спокойный, уверенный. Не тот, каким говорят любовницы, которых ловят на месте преступления. Слишком ровный. Слишком хозяйский.

— Алиса Сергеевна? — мой голос звучит чётко, как на планёрке. — Вас беспокоит Вера Александровна Королёва, родительский комитет. Я вношу ваши данные и данные вашего сына в систему.

— Здравствуйте, — в голосе женщины появляется лёгкое напряжение.

— Понимаю, что вопрос нестандартный, — я говорю медленно, взвешивая каждое слово. — Но я вбиваю контактный номер второго родителя. И он... совпадает с номером моего мужа. Вы уверены, что данные верны? Может, опечатка? Такое бывает, особенно при переезде... много хлопот и...

Тишина в трубке становится абсолютной. Я слышу только стук собственного сердца. И гул ламп. И где-то далеко голоса детей.

— Нет, — тихо отвечает женщина. — Ошибка исключена. Я проверяла.

В груди разрастается нечто холодное и тяжёлое. Я сглатываю, пытаюсь удержать контроль. Я управляющая. Я решаю конфликты. Я всегда нахожу слова.

— Но этот номер не может быть правильным, — в моём голосе появляются металлические нотки. Привычка разговаривать с недобросовестными поставщиками. — Это номер моего мужа. Матвея Королёва. Он не может быть... вашим мужем.

Пауза. Длинная. Тягучая. Такая, от которой немеют пальцы, сжимающие телефон.

— А кто сказал, что он мой муж? — в голосе женщины проскальзывает лёгкая усмешка. — В анкете чётко написано: "Отец ребёнка". Никакого статуса мужа там не указано.

Воздух в лёгких заканчивается.

— Что вы имеете в виду? — мой голос срывается, что для меня совершенно несвойственно.

— Примерно то, что я и сказала. Будем знакомы, Вера... Александровна.

Глава 2

Вера

Короткие гудки режут тишину. Я смотрю на погасший экран телефона и не чувствую пальцев. Они всё ещё сжимают трубку, но такое ощущение, что это чужие руки.

Аккуратный маникюр, обручальное кольцо, тонкий шрам на большом пальце от пореза на кухне много лет назад. Всё на месте. Но почему тогда нет ни капли дрожи?

Интересно, это шок или просто я настолько хорошо умею держать себя в руках?

— Ма-ам! — Аня возвращается в класс. Она сияет. В руках апельсиновый сок и какой-то уже надкусанный пирожок. На щеке крошка. Я машинально вытираю её пальцем. — Я всё купила!

— Молодец, — мой голос звучит ровно, без эмоций, словно я только что не узнала нечто ужасающее. — Доедай, и пойдём домой.

— А ты не хочешь попробовать кусочек?

— Нет. Я не хочу, спасибо.

— Ну, и ладно. Мне больше достанется, — она пожимает плечами и впивается зубами в пирожок.

Я смотрю на неё. Моя девочка. Мой ангел. Мы так долго её ждали...

И где-то есть другой ребёнок. Такой же взбалмошный, а

может, наоборот, спокойный, уравновешенный. Интересно, у него такие же глаза, как у Ани? Ей они достались от Матвея. Полная копия. Даже крапинки точно такие же.

А у него? Он похож на Матвея? Или больше смахивает на свою мать?

Восемь лет. Ровесник.

— Мам, ты куда смотришь? — одёргивает меня дочь.

— Никуда. Просто люблюсь, как ты ешь, — говорю я, и голос предательски надламывается.

Мы идём с ней домой. На улице вот-вот наступит весна, но мороз никак не отступает. Хотя какая уже разница? У меня внутри целая буря, а то, что на улице — это лишь мелочь. Крохотная проблема, которая решится сама собой, стоит лишь немного подождать, что нельзя сказать сейчас обо мне. У меня уже ничего не решится само собой.

Я держу Аню за руку и считаю шаги, чтобы хоть как-то привести мыслив порядок. Сто семьдесят три...четыре...пять....

Восемь лет. Сколько из них он провел с ними? Это была случайная связь или нечто большее? А до его рождения... сколько они были вместе?

— Мам, а давай завтра в театральный пораньше? Я роль Золушки выучу! — Аня подпрыгивает на ходу и тянет меня вперёд.

— Давай, — отвечаю на автомате, даже не думая о завтрашнем дне. О совещаниях, о встречах, о работе. Всё это в

момент становится блёклым, неважным.

— А папа придёт посмотреть мой спектакль, когда мы будем готовы?

Я спотыкаюсь о бордюр. Аня даже не замечает. Она продолжает рассказывать про каждый спектакль, который они готовят, смеётся. Она счастлива.

— Папа... если он сможет, то обязательно придёт, — с трудом отвечаю я.

— Он всегда может, он же папа!

Она тянет меня дальше, а я смотрю на её затылок, на выбившиеся из-под шапки пряди волос, и думаю: “А он ходил к нему в прежнюю школу? Водит его за руку? Читал ему сказки на ночь?”

— Мам, не спи! — смеётся Аня, открывая дверь в подъезд.

— Я не сплю. Немного задумалась.

Мы поднимаемся к себе.

Аня бросает рюкзак на пол в коридоре. Я молча поднимаю его, вешаю на крючок. Куртку в шкаф. Обувь на полку. Руки помыть. Ужин разогреть. Всё как всегда. Ничего не изменилось, кроме того, что теперь я знаю, что у мужа есть ещё один ребёнок.

А может совпадение? Однофамилец? — мелькает в голове, но разум тут же отгоняет эти мысли.

Она указала номер моего мужа. Значит, она его знает.

Я ставлю сковородку на плиту и смотрю, как шипит мас-

ло. Оно разбегается пузырьками по глянцевой поверхности. Мысли путаются, цепляются друг за друга.

Когда?

Ане восемь. Значит, девять лет назад я была беременна. Лежала на сохранении. Тонус, врачи пугали выкидышем. Матвей приезжал почти каждый вечер, привозил фрукты, сидел со мной, держа за руку и поддерживая. Я думала, он любит. Заботится. Переживает, а получается, что в тот момент он уже уезжал от меня... к ней.

А когда родилась Аня? Я трое суток не спала. Сначала от эйфории. Глядя на это идеальное создание. Потом ужасная боль в груди. Мастит. Я разминала её сквозь слёзы, Аня постоянно плакала, с трудом засыпала, а я рыдала в подушку, чувствуя полную беспомощность, несмотря на уже вторые роды. Но в этот раз всё было иначе. Сложнее. И физически, и эмоционально.

Потом Матвей забрал нас из роддома, привёз домой и сказал:

“Ты справишься, ты сильная”, — а на следующий день, уехал в срочную командировку. На две недели.

Командировка. Теперь-то я понимаю, что это была за командировка. Он уехал к ней. К своему сыну.

— Ма-ам! — Аня влетает на кухню. — А можно я завтра бантики розовые надену? А то в школе все говорят, что у Золушки должны быть бантики!

— Можно, — киваю я, переворачивая котлету.

— А папа любит розовые бантики?

— Любит.

Она довольно кивает и убегает в комнату. Я слышу, как она напевает ту самую песенку про Золушку.

Сажусь за стол. Голова тяжёлая. Смотрю на свои руки. Они лежат на столешнице. Пальцы не дрожат. Аккуратный маникюр, обручальное кольцо, тонкий шрам. Это всё ещё мои руки. Всё ещё моя жизнь.

Но что теперь делать?

Встаю, чтобы хоть на мгновение вернуться в свою привычную жизнь. К привычной рутине. Беру тарелку, начинаю мыть. Горячая вода обжигает руки, и это единственное, что я сейчас чувствую. Хочется залезть под холодный душ и не вылезать. Или закричать. Или разбить тарелку.

Но нельзя. Аня в соседней комнате. Она не поймет. Испугается.

Восемь лет.

У моего мужа есть сын. Ему восемь лет. Он родился, когда я носила Аню. Он рос, когда я не спала ночами. Он звал папу, когда Матвей говорил мне, что задерживается на переговорах.

Что теперь делать?

Сказать Матвею, что я знаю? А что это изменит? Он восемь лет врал. Восемь лет смотрел мне в глаза, спал со мной, растил наших детей, и всё это время у него был ещё один ребёнок.

А если я сейчас устрою скандал, если выгоню его, если развод, то это получится, что я разрушаю семью? Или это он всё разрушил? Ещё восемь лет назад.

Телефон вибрирует в кармане. Достаяю.

Дима.

Смотрю на имя сына на экране и чувствую, как внутри что-то обрывается и падает в пустоту. Чёрную, холодную, бесконечную.

Он не знает. Он ничего не знает. Он там, на сборах, пашет, мечтает, верит, что дома всё хорошо. Что папа придёт на выступление Ани, на которое он скорее всего не успеет. Что мы семья.

А у папы есть ещё один сын.

Телефон вибрирует. Я смотрю на экран. Секунда, две, три и я нажимаю: “ответить”.

Визуализация Вера

Представляю вам нашу Веру. Не каждый день приходится узнавать, что твой собственный муж ведет двойную жизнь, но будем наблюдать за тем, как она со всем справляется)

Визуализация Матвей

А вот и главный виновник всего происходящего. Матвей. Любопытно узнать, что он скажет, когда вся правда выйдет наружу.

Глава 3

Вера

Телефон продолжает вибрировать. Я должна ответить. Сжимаю телефон так, что экран гаснет. Закрываю глаза и прислушиваюсь к звукам вокруг.

Аня поёт в комнате про Золушку. За стеной ссорятся соседи. А у меня внутри тишина. Такая плотная, что, кажется, её можно резать ножом.

Я смотрю на свои руки. Они всё ещё не дрожат. Но я не знаю, сколько еще продержусь. Что теперь делать? Как сказать сыну, что его отец отныне не только его отец? И можно ли вообще это сказать подростку, который сейчас работает на износ над своей мечтой?

Телефон замолкает и тут же оживает вновь, уведомляя о видеозвонке. Делаю глубокий вдох, натягиваю улыбку и отвечаю.

— Привет, — я смотрю на лицо сына на экране. Он усталый, но довольные. Волосы мокрые, на плече полотенце. По всей видимости, он только что вышел из душа. — Ты как там? Хорошо доехали? Устроились?

— Да, всё нормально. Корпус новый, кормят прилично. Мам, ты не представляешь, у нас сегодня была первая тренировка, и тренер сказал, что у меня отличная динамика. Говорит, если так пойдет и дальше, то на соревнованиях могу

попасть в первую тройку. А если попаду в тройку, то...

— То тебя могут пригласить в училище олимпийского резерва, — заканчиваю я за него. — Как ты и мечтал, — горло сжимает тугим спазмом.

Мой ребенок. Мой сын, который так упрямо идет к своей цели. Сейчас у него есть шанс добиться своего. Поступить. И как бы я не хотела, но я не могу ему рассказать о том, что творится дома. Иначе он не сможет сосредоточиться, его эмоции возьмут верх, он начнет ошибаться, и в итоге весь этот путь, который он с таким трудом преодолевал, окажется бесполезным.

— Да! Это будет нереально. Если все получится... мам, я не знаю, что со мной будет. Я, наверное, на седьмом небе буду от счастья, — он улыбается, но в глазах уже не детская радость, а что-то взрослое, серьезное. — Мам, ты как к этому относишься? Это же далеко. Я буду редко приезжать.

Я смотрю на него и вижу мальчика, который вырос. Который уже почти мужчина. Который через пару месяцев может уехать в другую жизнь. И который не знает, что его отец...

— Я считаю, — говорю я, и голос звучит на удивление ровно. — Что если это твоя мечта, то ты должен за нее бороться. А я всегда буду рядом. Даже если ты будешь жить в другом городе.

— Мам..., — он смущенно отводит глаза. — Ну ты чего... я же не навсегда уеду. Я приезжать буду. На каникулы.

— Знаю, сынок. Знаю.

Пауза. Он всматривается в экран, будто пытается разглядеть что-то за моим лицом.

— Мам, а у тебя всё хорошо? Ты какая-то... не такая.

Вот оно. Даже за тысячи километров, через экран телефона, он чувствует мое состояние. Считывает его. Материнское сердце бьется в унисон с детским, даже когда дети вырастают.

— Всё хорошо, Дим. Сегодня выдался на ужас тяжелый день. На работе аврал, потом собрание родительского комитета...

— Ну, ты как обычно, мам, — расслабляется он. — Ты только не перерабатывай, ладно? А то опять голова болеть будет неделю. Отдыхай побольше. И мелкой скажи, чтобы нервы тебе не мотала.

— Хорошо. А ты сосредоточься на соревнованиях. Выложись на полную. Я верю, что у тебя все получится.

— Спасибо, мам. Ладно, я побежал. У нас там сбор через пятнадцать минут. Тренер будет злиться, если опоздаем и опять заставит кругами по стадиону бегать. Я позвоню тебе завтра, ладно?

— Звони. Я люблю тебя.

— И я тебя. Пока!

Экран гаснет. Я сижу, прижимая телефон к груди, и смотрю в стену. Дима. Мой мальчик. Он так хочет попасть в это училище. Он это заслужил. Если я скажу ему сейчас, то он сорвется. Он бросит все и приедет, будет разбираться с от-

цом. Он проиграет соревнования. Упустит свой шанс.

Надо отгородить его от всего этого кошмара, пока он там. Потом, когда всё решится, когда соревнования закончатся... тогда я все ему расскажу. Не буду молчать, а сейчас. Сейчас на кону его мечта и я не могу ей рисковать.

Я сжимаю телефон в руке, смотрю на часы. Половина десятого. Матвей обещал вернуться до десяти. И я должна решить, что скажу, когда он переступит порог нашего дома.

Встаю, наливаю кружку чая. Руки действуют автоматически. Чайник, кружка, заварка. Одна ложка сахара. Размешать. Поставить на стол. Сесть. Смотреть в одну точку.

Я перебираю в голове варианты разговора. Тысячи вариантов. Миллионы. Но ни один не кажется правильным.

Может, просто показать ему телефон с открытым контактом Анастасии? Пусть сам объясняет. Пусть сам выкручивается. Интересно, что он придумает? Скажет, что это ошибка? Что это жена партнера по бизнесу? Или вообще сделает вид, что не знает такого номера?

Я усмехаюсь. Горько, одними уголками губ. Делаю глоток обжигающего чая и слышу, как в коридоре щелкает замок.

Дорогие читатели!

Ваша поддержка помогает нам создавать новые истории.

Мы будем безумно благодарны, если вы порадуете нас

звездочками и своими комментариями. На старте книги это очень важно. А если вы еще и подпишетесь на наши авторские странички, то мы будем на седьмом небе от счастья.

Обнимаем и благодарим за то, что остаетесь с нами.

Ваши Оксана Рэй и Натали Лин))

Глава 5

Вера

Матвей берет мой телефон в руки с такой осторожностью, словно в нем кроется страшная опасность. Он смотрит на экран. Секунду. Две.

Я вижу, как меняется его лицо. Сначала непонимание. Потом шок. А затем мгновенная, почти неуловимая вспышка паники, которую он тут же гасит.

— Вера, это не то, что ты думаешь, — говорит он, возвращая телефон. Голос ровный, но я знаю его слишком долго, чтобы поверить этим словам. Я слышу эту фальшивую нотку спокойствия. — Я всё объясню.

— Объясни, — киваю я. — Я слушаю.

Он молчит. Смотрит в мои глаза. Ищет слабинку, ищет, с какой стороны подойти.

— Это номер жены моего партнера по бизнесу, — говорит он наконец. — Кости Громова. Ты его не знаешь. Он из Новосиба. Он попросил подстраховать на случай экстренной связи. Его жена недавно здесь. Ребенок вроде куда-то сюда переводится на учебу, а он сам в разъездах. Я оставил свой номер как запасной. Это ничего не значит.

Я смотрю на него.

— Костя Громов?

— Да. Я тебе о нем не рассказывал, наверное. Поставки

оборудования.

— А фамилия у ребенка — Громов. Совпадает. Удобно.

— Ну да, — он кивает уже чуть увереннее. — Я ж говорю, что он его отец. А что такого? Я хотел помочь человеку. Вера, ну правда, это просто рабочий момент.

Я молчу. Просто смотрю ему в глаза.

Он выдерживает мой взгляд секунд пять. Потом отводит глаза в сторону, поправляет часы на запястье.

— Матвей, — говорю я тихо. — Я звонила по этому номеру.

Он замирает.

— Я разговаривала с Настей. С Анастасией Сергеевной Громовой. С матерью Егора.

Тишина. Воздух становится плотным.

— Она сказала мне..., — я задыхаюсь, слова приходится выталкивать из груди силой. — Она сказала, что отец ребенка, который перевелся к нам в школу, именно ты. Что это у вас с ней сын. Не у твоего друга, коллеги или еще кого-то, а у тебя. С ней. Сын. И ему уже восемь лет.

Матвей сидит неподвижно. Я вижу, как ходят желваки на его скулах. Как пальцы сжимаются в кулак на столе.

Секунда. Две. Пять.

— Это бред, — говорит он наконец. Голос низкий, с хрипотцой. — Полный бред, Вера. Ты хоть сама понимаешь, что несёшь?

Я молчу. Я слишком хорошо его знаю. Эта интонация —

первая линия обороны. Нападение через отрицание.

— Ты поговорила с какой-то женщиной по телефону, — он усмехается, но усмешка выходит кривой. — И сразу поверила ей? Какая-то Настя, сын, восемь лет... Вера, это же смешно. Мало ли кто что скажет?

— Она указала номер отца ребенка для экстренной связи, — мой голос звучит как скрежет металла. — И когда я стала его вводить, то телефон показал: “любимый муж”. Твой номер, Матвей. Номер, который она оставила в школе, на случай, если она не сможет ответить — твой номер. Твой. И ничей другой.

— Совпадение! — он всплескивает руками, и я замечаю, что у него дрожат пальцы. — Ну бывает же! Телефон глючит, база данных сбилась, возможны сотни вариантов! Ты адвоката наняла, детектива или как? Откуда такая уверенность в том, что я его отец? Ты даже не разобравшись, уже приговорила меня к казни.

Я смотрю на него. Он мечется взглядом по кухне. По пирожным, по чашке с моим чаем, по своим рукам. Он не знает, куда деть руки. В итоге он просто сцепляет их в замок. Затем разжимает и снова сцепляет.

— Матвей.

— Что? — он вскидывается. Слишком резко.

— Ты потеешь.

Он инстинктивно проводит ладонью по лбу. Лоб сухой. Я соврала. Просто чтобы посмотреть на его реакцию. Реакция

— паника в глазах, которую он пытается спрятать за злостью.

— Прекрати, — цедит он сквозь зубы. — Ты играешь в какие-то игры. Устала, перенервничала. Давай ты выпьешь чаю, съешь пирожное, а завтра всё встанет на свои места.

Он встает, резко отодвинув стул. Скрежет железных ножек по полу заставляет вздрогнуть.

— Я пойду руки помою, — бросает он, не глядя на меня. — Потом чай попьем с пирожными и спокойно поговорим. Как взрослые люди.

Он выходит из кухни. Я слышу его шаги по коридору, щелчок выключателя в ванной, шум воды.

Сажу неподвижно. Смотрю на пирожные. Красивая коробка, перевязанная бечевкой. Он специально заехал. Запомнил. Купил.

Вода в ванной всё ещё шумит.

Странно. Он никогда не моет руки дольше тридцати секунд.

Я прислушиваюсь. Сквозь шум воды пробивается его голос. Приглушенный, но различимый. Он говорит с кем-то по телефону.

Встаю. Ноги не слушаются, но я делаю первый шаг. Выхожу в коридор. В ванной горит свет, дверь прикрыта неплотно.

Я сперва не разбираю слов, только интонацию. Злую, шипящую. Так он разговаривает с провинившимися поставщиками. Или с персоналом, который не перестает совершать

ошибки.

Подхожу ближе.

— ...ты совсем идиотка? — шипит он. — Я же просил тебя! Я же сказал, чтобы ты подала документы в частную школу. Что я всё оплачу! Нахрена ты притащила нашего сына именно в эту школу?!

Пауза. Он слушает.

— В смысле “это лучший вариант”? Слушай, мне плевать, лучший или нет! Моя дочь там учится! Ты охренела?

Ещё пауза.

— Не знала? — теперь в его голосе появляется что-то звериное, хищное. — А думать головой не пробовала, когда в эту школу его записывала! Я тебе чётко объяснил: никаких пересечений. Никаких!

Я стою под дверью. Мир перед глазами приходит в движение. Плитка на полу начинает вращаться, стены расплываются.

— Сделай что-нибудь, — продолжает шипеть Матвей. — Переведи его. Завтра же. Скажи, что ошиблась, что документы не туда подала. Не знаю. Придумай что-нибудь. Ты же умная, ты же мать, вот и придумывай! Чтобы Егора в этом классе не было!

В груди разрастается что-то огромное и холодное. Я пытаюсь вдохнуть, но воздуха нет.

— Всё, — резко бросает он. — Мне идти надо. Она там сидит. Я позвоню.

Шорох. Он убирает телефон.

Я должна отойти. Я должна вернуться на кухню и сделать вид, что ничего не слышала. Но ноги не двигаются. Я стою как вкопанная в двух шагах от двери ванной.

Рука, сжатая в кулак, мелко дрожит. В этой руке я почему-то всё ещё сжимаю чайную ложку. Ту самую, которой размешивала чай.

Ложка падает на пол.

Звук в тишине коридора звучит как выстрел.

Дверь ванной распахивается мгновенно.

Матвей стоит на пороге. Руки мокрые, с них на пол капает вода. Лицо белое, как полотно. Глаза круглые, зрачки расширены.

Мы смотрим друг на друга.

Я вижу, как до него доходит. Он слышал стук. Он открыл дверь. Он видит меня. Он понимает, что я стояла здесь. Что я все слышала.

Тишина висит между нами такая плотная, что её можно резать ножом.

— Вера, — говорит он наконец. Голос севший, чужой. — Я... я всё объясню.

Глава 6

Вера

Я смотрю на своего некогда любимого мужа и поражаюсь тому, что он говорит. Как можно объяснить то, что у тебя уже восемь лет есть другой ребенок, другая женщина? Это невозможно объяснить, но я все же решаюсь спросить.

— И как ты всё объяснишь?

— Вера, — начинает он, и его голос хриплый, будто он только что вышел не из ванной, а переплыл море. — Послушай. Это не то, что ты думаешь. Это было давно, я даже не помню...

— Ты не помнишь, как спал с другой? Или как у тебя появился сын? — перебиваю я. Голос звучит глухо, будто из бочки.

— Нет. Я не об этом. Я помню, что он есть. Давай пройдем на кухню, — говорит он. — Сядем и спокойно поговорим.

Он проходит мимо и направляется на кухню, размахивая руками.

— Но это было почти девять лет назад, Вера! Ты была беременна Аней, у тебя было сложное положение. Ты лежала в больнице на сохранении, я был один, я не знал, что делать, как тебе помочь, а она... она просто оказалась рядом. Один раз. Один грёбанный раз!

Я смотрю на него. Он мечется по кухне, натывается на

стул, поправляет его, снова ходит. Красивый, уверенный мужчина, который только что рассыпался на моих глазах.

— Один раз, — повторяю я. — И после этого одного раза ты восемь лет содержал ребенка и его мать? Оставлял им свой номер для экстренной связи? Приезжал к ним?

Он останавливается. Смотрит на меня, и в его глазах читается смесь страха и раздражения.

— Я не приезжал к ним! — его голос срывается на фальцет. — Я помогал деньгами. Просто деньгами. Она сказала, что ребенок мой, я сделал тест, и это подтвердилось. Я не мог бросить своего ребенка, Вера! Ты бы хотела, чтобы я бросил своего ребенка?

— Я бы хотела, чтобы у моего мужа не было тайного ребенка! — я подхожу чуть ближе к нему, и голос внезапно срывается. — Я бы хотела, чтобы ты сказал мне об этом восемь лет назад! Чтобы я знала, с кем живу, кому доверяю, кому я безвозвратно отдавала свои годы!

— Я боялся тебе сказать! — он тоже повышает голос. — Ты была в депрессии, ты едва держалась, я думал, это тебя добьет!

— И ты решил добить меня сам своим молчанием?!

— Вера, тише, Аню разбудишь!

Я замираю. Прислушиваюсь. Из детской не слышится ни звука.

Смотрю на Матвея. Он стоит напротив, тяжело дышит, лоб блестит от пота. Рубашка выбилась из брюк, галстук съе-

хал набок. Таким растерянным, испуганным и жалким я его никогда не видела.

— Тише? Ты врал мне восемь лет о том, что у тебя есть ребенок, а я должна сейчас быть тише? Может, я еще должна промолчать? Закрывать глаза и сделать вид, что ничего не случилось?

— Слушай, Вер, давай без громких слов. Ну ошибся. Ну бывает. Я же мужик, в конце концов.

Я смотрю на него. На человека, с которым растила детей. Который клялся мне в любви каждую ночь.

— Ты мужик, — киваю я. — И поэтому у тебя есть право пойти налево?

— Я не сказал, что у меня есть право ходить “налево”. Я сказал, что так бывает, — он начинает раздражаться. — Вера, ну что ты как маленькая? Ты думаешь, я первый такой? Ты думаешь, вокруг все живут по учебнику морали?

— Я думала, что мы живем не по учебнику морали, как ты говоришь. А как минимум, уважая друг друга.

Он вздыхает, трет переносицу. Ему надоел этот разговор. Ему надоело оправдываться.

— Хорошо. Я тебя услышал. Давай к делу. У меня есть сын. Ему восемь лет. Он не виноват ни в чем. Я его содержу, я помогаю Насте, я участвую в его жизни, но... это не отменяет того, что я тебя люблю. Это вообще никак не связано.

— Не связано, — эхом отзываюсь я.

— Ну а что связано? — он разводит руками. — Я тебя

не бросаю. Я к тебе прихожу каждый вечер. Я детей наших люблю, я их обеспечиваю. Мы живем лучше, чем девяносто процентов страны. У тебя есть все. У Ани есть все. У Димы есть все. Что меняется от того, что где-то живет еще один ребенок?

Я смотрю на него и не верю своим ушам.

— Ты хоть понимаешь, что ты сделал? — тихо спрашиваю я. — Ты создал другую семью. Ты врал мне восемь лет. Каждый день. Каждое утро, когда целовал меня перед работой. Каждый вечер, когда говорил, что устал и хочешь домой.

— А что я должен был сделать? — он повышает голос. — Прийти и сказать: “Вера, дорогая, я случайно заделал ребенка на стороне, давай жить с этим”? Чтобы ты выгнала меня? Чтобы дети росли без отца?

— Ты должен был это сказать, чтобы я имела возможность сделать выбор!

— Ты бы выгнала меня! Какой к черту выбор? — он качает головой. — Я тебя знаю. Ты бы не простила. А я не хотел терять семью. Я хотел, чтобы все было как есть. Чтобы ты была счастлива. Чтобы дети были счастливы. И чтобы я тоже оставался счастлив.

— Ты хотел, чтобы тебе было удобно.

— Да! Пусть так. Называй это как хочешь, — он почти кричит. — Я хотел, чтобы мне было удобно! А что в этом плохого? Я люблю тебя. Я люблю своих детей. Я хочу быть с вами. А с Настей... это другое. Это просто... ну, она мать

моего сына. Я должен был о нем заботиться. Но выбирать между вами я не собираюсь.

Я молчу. Слова закончились.

Он смотрит на меня и, кажется, принимает мое молчание за согласие.

— Вера, — говорит он мягче, делает шаг ко мне. — Ну посуди сама. Я же не уйду. Я здесь. Я с тобой. Просто теперь ты знаешь. Да, мне жаль, что ты узнала вот так. Но в целом ничего не изменилось. Мы все так же семья. А он... ну, он просто ребенок. Он не претендует на меня, на нашу жизнь. Он вообще в другом мире.

— В другом мире? Он теперь в одном классе с нашей дочерью.

Он вздрагивает. Лицо снова меняется.

— Я это решу, — быстро говорит он. — Завтра же решу. Я поговорю с Настей. Мы переведем его в другую школу. Эту проблему я закрою.

— Эту проблему? — я смотрю на него. — Это ты своего сына называешь “этой проблемой”.

— Вера, не цепляйся к словам. Ты понимаешь, о чем я.

— Я понимаю, — киваю я. — Понимаю, что ты каждую ночь ложился рядом со мной, а временами бегал к другой женщине и к своему ребенку. Что ты лишил меня выбора. Что ты..., — голос срывается. Я замолкаю, сглатываю ком.

Он снова вздыхает. Смотрит на часы.

— Слушай, уже поздно. Давай спать. Завтра трудный

день. А утром, на свежую голову, все обсудим.

Я смотрю на него. Он предлагает мне лечь в постель? После того, что я узнала. — Ты серьезно?

— А что? — он пожимает плечами. — Ну поругались. Ну выяснили. Дальше-то что? Жизнь продолжается. Я спать хочу, если честно. Вымотался сегодня.

Он разворачивается и идет в спальню.

Я стою на кухне и смотрю ему в спину. У двери в спальню он останавливается. Оборачивается.

— Вера, ты идешь?

Я не отвечаю.

Он ждет секунду, пожимает плечами и заходит в спальню так, словно ничего не случилось.

Глава 7

Вера

Щелчок выключателя в спальне звучит, как крышка гроба, которая захлопнулась, похоронив все наши годы совместной жизни в сырой земле.

Я стою посреди кухни и не знаю, куда себя деть. Руки свисают вдоль тела. Ноги ватные. Внутри огромная пульсирующая пустота. Не боль, а странное онемение.

Он лег спать. Он действительно лег спать. После всего, что я узнала. После этой едкой, разъедающей изнутри правды он просто лег спать.

Я смотрю на пирожные. Он специально заехал. Вспомнил. Купил. И это, наверное, самое страшное. То, как в нем уживается этот трогательный жест и чудовищная ложь. Он не монстр в бытовом смысле. Он заботливый муж, который купил жене пирожные, а потом пошел спать, потому что устал. Потому что его жизнь не рухнула. Для него ничего не изменилось, кроме того, что его жена узнала правду. Ерунда. Ничего критичного.

А для меня изменилось абсолютно все.

Я сажусь прямо на пол и прислоняюсь спиной к холодильнику. Холод пробивается сквозь одежду, но мне все равно. Я сжимаюсь в комок, обхватываю колени руками и бесцельно блуждаю взглядом по сторонам. Я смотрю на ножку стола. За

ней, в углу, скопилась пыль. Надо будет протереть. На пятно от пролитого сока на полу. Откуда оно здесь? Надо будет все убрать. Помыть.

Завтра.

Но какое оно, это завтра?

Мысль приходит неожиданно, как удар под дых. У него есть сын. Ему восемь лет. Он никуда не исчезнет. Он останется в нашей жизни, даже если его переведут в другую школу. Его мать... я буду знать, что где-то там есть она. Что мой муж ездит к ним. Помогает. Целует ее...

— Стоп. Не думай об этом, — ругаю себя, чувствуя, как по коже пробегают мурашки отвращения от одной только мысли.

Я начинаю считать, чтобы отвлечься. Месяцы. Сентябрь, октябрь, ноябрь... Аня родилась в апреле. Если Егор родился в феврале...

Он сделал ей ребенка, когда я больше всего нуждалась в нем. Когда мне требовалась его поддержка. Когда я едва справлялась. Когда врачи в один голос твердили, что нет никакой гарантии, что я смогу справиться со второй беременностью.

Я зажмуриваюсь. Фантазия подбрасывает страшные картинки. Одна ужаснее другой. Они вдвоем в квартире. Или в машине? А может у нее дома? Или в гостинице? Все это неважно. Главное, что он был там, пока я лежала на сохранении и боялась дышать, чтобы не спровоцировать выкидыш.

— Господи, — шепчу я в пустоту. — За что? Почему он так поступил?

Холодильник гудит, переключается на другой режим. Гул становится тише, потом снова нарастает.

Я открываю глаза и смотрю на свои руки. Обручальное кольцо тускло поблескивает в темноте, напоминая, что я все еще замужем. Что по документам, у меня все еще есть муж. Что я жена. Мать.

А он... оказывается, что он все это время жил на две семьи.

Я начинаю судорожно выискивать в памяти день, когда Аня появилась на свет. Она родилась утром. Я позвонила ему, когда меня перевели в палату, но он ответил не сразу. Тогда он сказал, что на работе аврал, и я поверила. Мы поговорили, но тот разговор показался мне холодным. Натянутым.

Он был у нее? Сидел с их ребенком? Смотрел на нее?

А дальше выписка, его командировка. Я кивала, соглашалась, верила, что на работе проблемы. Ресторан — это всегда трудности, всегда срывы и проблемы, особенно, когда он не один.

Матвей уехал и вернулся только через два дня. Сказал, что закрутился, что поставщики подвели, что он ночевал в офисе. Я поверила. Я всегда верила.

Меня трясет. Я встаю, наливаю стакан воды. Пью жадно, обжигая горло ледяной жидкостью. Потом сажусь на стул.

Надо держаться. Надо что-то делать. Действовать. Но с чего начать?

Достаю телефон. Экран загорается. Яркий свет режет глаза. Я открываю браузер и зачем-то набираю: “Анастасия Громова”.

Поисковик выдает мне несколько аккаунтов с таким именем. Я открываю один за другим, словно знаю, кого ищу. Почти все профили закрыты. На аватарках то цветы, то котик. Я продолжаю листать, сама не зная зачем, пока не натыкаюсь на страницу, которая привлекает мое внимание.

Нажимаю. Профиль открытый.

На первом фото женщина со светлыми волосами. Она сидит в кафе, улыбается в камеру. Внизу подпись: “Утро начинается не с кофе, а с приятных сюрпризов от любимого”.

Я увеличиваю фото. Всматриваюсь в детали. Женская интуиция кричит о том, что это может быть она, но я ничего не нахожу.

Пролистываю дальше. Следующее фото. Еще одно. Я рассматриваю каждое с особой скупуплезностью, пока не натыкаюсь на то самое.

Она сидит в красивом платье в ресторане. На заднем плане стеклянный небоскреб. Вечерний город. И мужская рука, которая обнимает ее за плечи. Лица не видно. Только запястье и часть манжеты. Белая рубашка, дорогая ткань. И часы.

Я увеличиваю фото до максимума. Пальцы дрожат, экран

прыгает.

Золотистый циферблат. Коричневый ремешок. Это те самые выполненные на заказ часы, которые я дарила мужу на годовщину свадьбы.

Я смотрю на дату под фото. Три года назад. Июнь.

Три года назад у нас был кризис. Матвей много работал, почти не бывал дома. Я думала, это из-за открытия нового ресторана. Я жалела его. А он, оказывается...

Закрываю фото. Открываю следующее. Еще рука. Уже в другой одежде, но часы те же. На фоне гор. Красная Поляна, судя по геотегу. Два года назад.

Следующее фото. Еще одно. И еще.

Они путешествовали годами. Везде, где он, по его словам, был в командировках. Отели, рестораны, набережные. Я смотрю на эти фото и чувствую, как внутри меня что-то умирает. Не сразу, а медленно, клетка за клеткой.

Восемь лет. Не одна ночь. Не ошибка. Не случайность, как он мне сказал. А восемь лет параллельной жизни.

Я откладываю телефон. Смотрю в стену. Потом закрываю глаза. В ушах шумит.

Почему она перевела своего сына именно в эту школу?

Она же наверняка знала, кто я. Она сказала: "Будем знакомы". Не испуганно, не растерянно.

Мысль приходит неожиданно, но сразу становится очевидной. Она не случайно привела сына именно в эту школу. Она не случайно дала номер, который обязательно выдаст

всё. Она хотела, чтобы я узнала. Чтобы эта тайна перестала быть только их.

Она устала ждать.

Восемь лет она была второй. Восемь лет делила со мной моего мужа, пока я ничего не подозревала. Может, она все эти восемь лет надеялась, что он уйдет от меня к ней, а он не уходил? Но и сейчас он не уходит. И, кажется, даже не собирается.

Глава 4

Вера

Я ставлю кружку на стол. Она ударяется с характерным звоном, заставляя меня вздрогнуть. Все внутри сжимается. Напрягается до предела. Делаю глубокий вдох, смотрю в сторону коридора, откуда уже доносится возня мужа.

Как начать разговор? Что спросить? Или, может, его любовница уже рассказала ему о том, что я все узнала?

Я сижу, не в силах пошевелиться. Сердце колотится где-то в горле.

Уверенные, тяжелые шаги разносятся по квартире. Он всегда ходит, как хозяин жизни. Шорох пакета. Стук ключей о тумбу.

— Вера? Ты на кухне?

Этот голос. Родной, знакомый до каждой нотки. Голос, который я слышала каждое утро все наши совместно прожитые годы. Голос человека, который спал со мной в одной постели, который утешал меня, когда мне было плохо. Который всегда звучал рядом с моим.

И который восемь лет врал мне в лицо.

— Да, — отвечаю я. Голос звучит глухо, но ровно. — Я на кухне.

Несколько секунд и он появляется в дверном проеме.

С курткой нараспашку, с пакетом в руке. Улыбается.

Уставший, но довольный. Воротник рубашки расстегнут, галстук ослаблен. Все как всегда, когда он возвращается с работы.

А с работы ли? Я уже в этом не уверена.

— Привет, — он подходит ко мне, наклоняется, чтобы поцеловать в щеку. Пахнет его одеколоном, привычным, домашним, и чем-то еще. Улицей, машиной, кофе? Я вдыхаю поглубже, пытаюсь уловить ее запах. Запах той, которая родила ему ребенка, но ничего нет. — Устала? Аня спит?

— Спит, — киваю я.

Он ставит пакет на стол.

— Я тут заехал, купил тебе пирожные, которые ты любишь. Из “Север-Метрополь”. И сыр взял, с плесенью. Ты как-то говорила, что хочешь его, а я как самый лучший муж, решил тебя побаловать, — говорит он, и одновременно с этим, развязывает пакет. Достает коробку, ставит передо мной. — Будешь? Или ты уже поела и ничего не хочешь?

Я смотрю на пирожные. Мои любимые. Те самые, с малиновым конфи и нежным кремом. Он запомнил. Он специально поехал в другой конец города, чтобы купить их для меня.

— Вера? — он замечает мой взгляд. Улыбка сползает с его лица. — Что-то случилось?

Я поднимаю на него глаза. Он стоит напротив, опершись руками о спинку стула. Смотрит встревоженно, но спокойно. Пока еще спокойно. Он не знает. Она не сказала ему. Он еще думает, что всё под контролем.

— Садись, Матвей, — говорю я тихо. — Нам нужно поговорить.

Он садится напротив, заглядывает в мои глаза.

— Ты чего? На работе что-то случилось?

Я молчу. Смотрю на кружку. Пальцы осторожно гладят теплый край.

— Да. Сегодня в ресторане был настоящий хаос, — начинаю я медленно. — Поставщик перепутал заказ. Эдуард чуть не уволился. Света натворила делов с бронью. Я еле вырвалась.

Матвей кивает, но я вижу, как он напрягается. Он ждет другого. Он чувствует, что дело не в ресторане.

— А еще сегодня вечером было собрание родительского комитета. В школе. У Ани.

— Зачем? Недавно же вас собирали. Что на этот раз? Шторы надо новые купить или у учителя бумага внезапно закончилась? — недовольно фыркает он.

— Нет. Дело не в этом.

— Тогда в чем?

— У Ани в классе новенький, — продолжаю я, глядя в одну точку. — Через неделю приходит. Заодно мы решали текущие вопросы. Февро-март скоро. Надо определиться с подарками, выездами...

— Вера, — перебивает он. — Я тебе давно говорю, чтобы ты бросала этот комитет. Ни оплаты, ни пользы, одна морока. Ты и так устаешь на работе, зачем тебе эта самодеятель-

ность?

В его голосе привычное пренебрежение. Он никогда не понимал, зачем я трачу время на школу, на чужих детей, на всю эту “мелочевку”. Для него важно только то, что приносит деньги или статус.

Я поднимаю глаза. Смотрю на него долго, внимательно.

— Ты прав, — говорю тихо. — Наверное, зря я туда хожу. Но сегодня... сегодня именно благодаря комитету, я узнала нечто очень важное.

— И что же? Что теперь на тебя перевесили и все эти поборы?

Я молчу. Сердце колотится где-то в горле, дыхание сбивается. Становится рваным. Тяжелым. Слова застревают в горле. Я физически не могу их выдавить.

— Вера? — он наклоняется ближе.

Я достаю телефон. Пальцы дрожат, экран прыгает. Открываю контакт Анастасии. Протягиваю ему.

— Откуда этот абонент знает твой номер, Матвей?

Глава 8

Вера

Утром просыпаюсь не от будильника, а от того, что спина онемела окончательно. Диван в гостиной слишком твердый и короткий, ноги свисают, а каждый позвонок сейчас кричит отдельным голосом.

Но это в любом случае лучше, чем лечь в одну кровать с человеком, который считает, что ребенок на стороне это всего лишь “небольшое недоразумение”.

Открываю глаза. Сколько времени? Телефон показывает восемь утра. Я спала часа три, не больше.

В квартире неестественно тихо. Я приподнимаюсь на локтях, прислушиваюсь. Ничего. Ни звука чайника. Ни шагов. Полная, абсолютная тишина, которая пробирается под кожу.

Встаю. Спина простреливает, я морщусь и иду на кухню. Пусто.

На столе нетронутая коробка с пирожными. Она стоит на том же месте, где я ее вчера и оставила. Рядом записка. Я беру ее в руки. Бумага под пальцами холодная, шершавая.

“Вера, доброе утро. Будить не стал. Я уехал по делам, не теряй меня. Позвоню, как будет свободная минутка. И не сходи там с ума. Матвей”.

Не сходи с ума.

Я смотрю на эту записку и чувствую, как внутри закипает

что-то тягучее. Он собрался и уехал. Ни свет, ни заря. Пока я спала на диване со скрюченной спиной, он собрался и уехал. Чтобы не продолжать наш разговор. Чтобы не смотреть мне в глаза. Чтобы я "не сходила с ума", пока он будет делать вид, что ничего не случилось.

Вот только он не дожидется этого.

Я комкаю записку и бросаю в мусорку. Руки действуют сами. Кофе, бутерброды, собрать Аню в школу. Сегодня ей ко второму уроку, и это маленькая милость.

После того, что случилось, мне хотя бы не надо провожать ее в школу в полвосьмого утра.

Аня просыпается через минут двадцать. Капризная. Она трет глаза, ноет, что не хочет сегодня идти в школу. Я целую ее в макушку и говорю, что всё будет хорошо. Обычный ритуал, когда дочь просыпается в плохом настроении, но сегодня он не помогает.

— Мам, ну зачем мы так рано вышли? — продолжает гнусавить она, когда мы оказываемся на улице, после сытного завтрака, раньше обычного.

— Чтобы подышать воздухом. Чтобы ты окончательно проснулась и не засыпала на уроках, пока учитель объясняет новую тему. А еще на улице холод, и мне надо прогреть машину, чтобы поехать потом на работу, — говорю я.

— Воздух противный, — тянет она и пинает сугроб ногой. — Снег грязный. А еще холодно. И вообще, ты могла бы поехать на такси.

— Не могла. У меня есть дела, и я не всегда могу ждать такси по сорок минут.

Я открываю ей дверь, стараясь не обращать внимания на ее настроение. Ей нужно немного времени, чтобы прийти в себя. Она не всегда такая. Нечто подобное у нас выпадает всего пару раз в месяц, поэтому я уже, можно сказать, привыкла. Надо просто подождать, потерпеть, и она снова превратится в мою взбалмошную дочь, которая обожает приключения.

Через пять минут мы подъезжаем к ее школе. Я выхожу, открываю ей дверь. Она бодро выскакивает, едва не падая в сугроб, но уже улыбается, и это не может не радовать. Провожая ее до самой школы.

— Мам, а ты приедешь за мной сегодня? — спрашивает она, когда мы останавливаемся у крыльца.

— Да. Я заберу тебя как обычно, — она кивает и тянет меня в раздевалку.

Внутри шумно, пахнет булочками и мокрой одеждой. Аня скидывает куртку, я ловлю. Варежки в рукав, шапку туда же. Шарф падает на пол, я нагибаюсь, поднимаю.

— Сменку не забудь переодеть, — говорю я.

— Помню, — она выуживает из пакета розовые балетки, крутит их в руках. — Красивые, скажи же!

— Иди уже, — я киваю в сторону класса.

— Пока, мам! — она машет рукой и исчезает за дверью.

Я стою. Секунду. Две. Смотрю на дверь, за которой только

что скрылся розовый бант.

Выхожу на крыльцо. Тяжело вздыхаю. Отворачиваюсь и иду к машине. Спина болит, голова гудит. Надо ехать в ресторан. Там аврал. Там можно спрятаться от собственных мыслей.

Возвращаюсь к машине. Завожу двигатель и еду на работу. Впереди семь часов полного сумасшествия, а потом обратно за Аней. С учётом её уроков и занятий после них я как раз вернусь к нужному времени.

В ресторане настоящий ад, как я и ожидала. Полный, абсолютный, классический ад. Поставщик перепутал заказ, привезли не те продукты. Шеф-повар орет так, что стекла дрожат. Света плачет в подсобке, потому что какой-то гость нахамил ей при всех, а у нее, ко всему прочему, еще и кошка заболела.

Я начинаю решать каждую задачу. Звоню поставщику, ставлю им такие условия по дальнейшему сотрудничеству, что самой становится не по себе. Но это их обязанность. Их проблемы, и я не обязана каждый раз закрывать глаза на срывы поставок.

Потом иду к шеф-повару, говорю, что замену привезут через час, он не верит, но перестает ходить по кухне как заведенный. Нахожу Свету, обнимаю ее, хотя сама еле стою на ногах, и говорю, что она лучшая, а гости бывают разные и не стоит так близко к сердцу принимать слова каждого из них.

— Вера Александровна, — всхлипывает она. — У вас са-

мой вид такой, будто вы ночь не спали. У вас все нормально?
— Все хорошо, Света, — отвечаю я. — Давай за работу.
Она смотрит на меня с сомнением, но кивает и уходит в зал.

Я наконец-то добираюсь до своего кабинета, закрываю дверь и просто сижу. Минуту. Две. Смотрю в стену. Потом беру телефон и снова открываю страницу Насти. Я листаю фото, хотя уже видела их сто раз. Рука с часами. Ее улыбка. Подписи, лайки, комментарии. Я ищу что-то еще, какую-то зацепку, но там ничего нет. Только идеальная, вычищенная жизнь.

Бросаю телефон на стол. Надо работать.

День тянется бесконечно. Я решаю вопросы, подписываю бумаги, спорю с бухгалтером, который не может найти нужные цифры в отчетности. В голове при этом пустота и одновременно каша. Мысли скачут с Ани на Матвея, с Матвея на Настю, с Насти на Егора и обратно.

Ближе к вечеру наш бармен заглядывает ко мне в кабинет.

— Вера Александровна, вы хоть ели сегодня? Мне, кажется, вы с утра из кабинета не выходили.

— Спасибо, Артем. Я зайду на кухню немного позже.

— Может, вам бутерброды принести? — спрашивает он и исчезает, не дожидаясь ответа.

Через пять минут на столе появляется тарелка с ароматным сэндвичем и стакан сока. Я смотрю на еду и чувствую, что не могу проглотить ни куска. Горло сжато, внутри ком.

Звонит телефон. Я смотрю на экран. Катя. Подруга. Моя единственная настоящая подруга, которая звонит раз в неделю и всегда с какими-то историями.

Киваю Артему в знак благодарности, и он удаляется.

— Привет, Кать, — отвечаю я устало.

— Вер, — ее голос напряженный. Не звонкий, не жизнерадостный, а сдавленный. — Ты можешь приехать? — всхлипывает она. — Это срочно. Прошу, приезжай скорее.

Глава 9

Вера

Сердце пропускает удар.

— Что случилось? Катя. ты как?

— Я попала в аварию. Мне срочно нужна твоя помощь,

— тихий всхлип. — Пожалуйста. Мне больше некому позвонить, — новый всхлип.

— Ты цела? — я уже встаю, хватаю сумку.

— Цела. Ушиблась немного. Но машина разбита, и я тряусь вся. Сотрудники полиции сказали ждать, а я не могу одна. Ты сильно занята? Можешь подъехать? пожалуйста, Вер.

— Где ты?

Она диктует адрес. Я смотрю на часы. Аню забирать из школы через несколько часов. У меня еще есть время. Я везде успею.

— Я еду, — говорю я. — Жди.

Выхожу из кабинета, на ходу набрасывая пальто. Света смотрит на меня вопросительно.

— Мне нужно уехать, — бросаю я. — Если что, звоните. Я на связи, но не уверена, что успею вернуться.

— Да, хорошо. А что случилось?

— Подруга в аварию попала.

Света округляет глаза, пытается еще что-то сказать, но я уже не слышу. Вылетаю на улицу.

Пробка. Конечно, пробка. Вечер, центр — святое дело. Я стою в этом бесконечном потоке, смотрю на красные огни и барабаню пальцами по рулю. Телефон пищит каждые пять минут.

Катя пишет без остановки, но я не злюсь. Она на нервах. Скорее всего, в слезах, и у нее паника.

“Ты где?”, “Долго еще?”, “Тут холодно”.

“Еду. В пробке. Держись”, — отвечаю я, отбрасывая телефон на пассажирское сиденье, чтобы не отвлекал от дороги.

Наконец выруливаю к месту. Перекресток, дорога перекрыта, мигалки. Две помятые машины, больше смахивающие на груды искореженного металла. Катя сидит на бордюре, укутанная в чей-то плед. Рядом топчется инспектор с бумажкой.

Я паркуюсь. Включаю аварийку и выбегаю.

— Катя!

Она поднимает голову. Лицо бледное, глаза красные, тушь размазана.

— Вер..., — голос дрожит. — Ты приехала. Господи, спасибо.

Я сажусь рядом, обнимаю. Ее трясется мелко, как осиновый лист.

— Ну тихо, тихо, — глажу ее по спине. — Я здесь. Что случилось-то? Как так вышло, что ты попала в аварию?

— Да дурак этот, — она всхлипывает и показывает на мужчину, который стоит в стороне и разводит руками перед

сотрудником ДПС. — На красный вылетел, я даже затормозить не успела. Хорошо, что скорость небольшая была, а то бы..., — она замолкает, сглатывает.

— Но ты цела? Точно? В больницу ездила?

— Скорая приезжала, осмотрели. Сказали, что только ушибы, ничего серьезного. Но машину жалко, Вер. Я ее только год назад купила, в кредит...

Я внимательно ее слушаю. Катя на нервах. Она без умолку говорит, рассказывает про страховку, про этого мужчину, про то, как ее крутануло и она подумала, что все. Я киваю, вставляю: “кошмар”, “представляю”. Не перебиваю. Даю ей выговориться, выдохнуть, все это время осторожно поглаживая ее по спине в знак поддержки.

Инспектор наконец заканчивает с документами. Подходит к нам и дает Кате какие-то бумаги, говорит, что эвакуатор будет через час, и разрешает нам не дожидаться его. Катя смотрит на меня, и в ее глазах мольба.

— Вер, ты же отвезешь меня домой?

— Конечно, отвезу. Не оставлять же тебя здесь.

Мы садимся в мою машину. Катя пристегивается, откидывается на спинку сиденья и закрывает глаза.

— Фу-у-ух, — выдыхает она. — Спасибо, что приехала. Я всем подряд звонила. Кто-то занят, кто-то на работе, кто-то вообще не взял трубку. А ты всегда на связи, ты как скала, Вер. Я знала, что ты меня не подведешь, но так испугалась, что сначала начала набирать всем подряд.

Я молчу. Выезжаю на дорогу.

— Ты даже не представляешь, как я перепугалась, — продолжает Катя. — Сидишь, смотришь на эту грудку металла и думаешь: вот еще бы секунда туда-сюда, и все. И ведь даже попрощаться ни с кем не успела. С мамой, с тобой...

Я слушаю. Киваю.

Катя снова повторяется, рассказывает по второму кругу про мужчину, который вылетел на красный, про то, как у нее коленка болит, про то, что надо будет завтра в страховую ехать, какая это морока.

— ...а он еще начал орать на меня, представляешь? Говорит, ты не так ехала. Я говорю: “У меня зелёный был”, а он говорит: “Нет, ты на жёлтый выскочила”. Козел! А в итоге, сотрудник сказал, что по камерам видно, как он на красный выехал, и тот он сразу замолчал, но осадочек остался...

— Кать, успокойся, — говорю я. — Все уже позади. Давай. Вдох-выдох. Ты сейчас себя так накрутишь, что всю ночь спать не будешь.

Она замолкает. Я чувствую, как она смотрит на меня.

— Вер, — говорит она вдруг другим голосом. — Ты какая-то странная. Что-то случилось?

— Ничего, — отвечаю я. — Все нормально.

— Не нормально. Ты как мумия. Я тут час несу какую-то чушь про аварию, а ты даже не пытаешься меня остановить. Ты вообще меня слушаешь?

— Слушаю, конечно.

— Не слушаешь. У тебя глаза стеклянные, — Катя поворачивается ко мне всем корпусом, несмотря на ремень. — Вер, что такое?

Я молчу. Смотрю на дорогу. Сжимаю руль.

— Вер, — Катя тянет меня за рукав. — Ну не молчи. Я же вижу. Ты бледная, как мел, под глазами круги, ты на себя не похожа. Что стряслось?

Я открываю рот. Хочу сказать “ничего”. Хочу сказать “потом”. Хочу сделать вид, что все в порядке, потому что я всегда делаю вид, что все в порядке. Потому что она сейчас в еще большем стрессе, чем я. Но чувствую, как что-то внутри ломается.

— Кать, — говорю я, и голос срывается. — Кать, я не могу.

— Что не можешь?

— Я так больше не могу.

Глава 10

Вера

Я сворачиваю к обочине, хотя мы уже почти у ее дома. Паркуюсь вдоль дороги. Глушу двигатель. В салоне становится тихо. Кажется, Катя замерла, и весь ее страх и ужас от случившегося, рассеялся.

— Кать..., — шепчу я, едва различимо.

— Вер, — она касается моего плеча и меня накрывает.

Я не плачу. Это не то слово. Меня выворачивает наизнанку. Рыдания идут откуда-то из живота, изнутри. Я закрываю лицо руками и трясусь, как Катя полчаса назад на том бордюре. Слезы текут сквозь пальцы, соленые, горячие, бесконечные. Страх за подругу, события в моей жизни, все сваливается на меня как снежный ком.

— Верочка, — Катя отстегивается. Хватает меня за плечи. Притягивает к себе. — Верочка, боже мой, что случилось? Ты меня пугаешь. Я никогда тебя такой не видела.

Я не могу говорить. Я просто трясусь и реву, и не могу остановиться. Вся боль, которая копилось эти сутки. Шок, злость, пустота, всё это вырывается наружу.

Катя обнимает меня, гладит по голове, шепчет что-то. Я утыкаюсь носом ей в плечо и сквозь всхлипы начинаю говорить.

— У него... у него есть сын, Кать. Ему восемь лет. Он будет

учиться с Аней в одном классе. В одном классе, понимаешь? Матвей все это время врал, восемь лет врал. А у него другая семья, другая женщина, он с ней..., — несвязно бормочу я.

Катя замирает. Ее рука перестает гладить меня по голове.

— Я думала, что это ошибка, — продолжаю всхлипывать я. — Думала, совпадение. Ошибка в номере телефона. А он даже не отрицал. Он сказал: “Да, есть”. Говорит один раз с ней спал. Говорит, что ошибся. А я потом нашла фотографии в ее социальных сетях. Кать, восемь лет. Они восемь лет вместе, они путешествуют, они...

Я захлебываюсь словами, но Катя молчит. Слишком долго молчит.

Я поднимаю голову. Смотрю на нее сквозь слезы. На ее лице застывает напряжение. Она отводит глаза в сторону. Блуждает ими по салону. Смотрит в окно. На приборную панель. Куда угодно, только не на меня.

— Кать? — еще всхлипывая, зову ее я, но она молчит. — Катя.

Она дергается, будто только что очнулась. Отпускает меня. Слегка отстраняется, и я чувствую как кожа покрывается мурашками в предчувствии, чего-то еще более страшного.

— Что?

— Ты... почему ты молчишь? Я понимаю, что я со своим крахом, сейчас не к месту. Что ты сама, только что пережила тот еще ужас, но я больше не могу. Правда. Я держалась. Долго держалась, но я больше не могу.

— Я... Вер, все нормально. Просто... просто, я не знаю, что сказать. Это ужасно. Это...

Она говорит, но не смотрит на меня. Взгляд бежит. У меня внутри все холодеет.

— Кать.

— Что?

— Посмотри на меня.

Она поднимает глаза. На секунду. И снова отводит.

— Только не говори мне, что ты знала, — тихо говорю я, сглатывая внезапно образовавшийся в горле ком.

В ответ тишина. Такая всепоглощающая, что у меня закладывает уши.

Катя молчит. Смотрит в точку где-то перед собой. Потом, очень медленно поворачивает голову. И я замечаю, что у нее в глазах стоят слезы.

— Вер, — шепчет она. — Я... я хотела тебе рассказать. Честно. Я много раз хотела. Но не могла. Я не знала как это сделать.

Мир останавливается. Нет. Он рушится. Проваливается в черную пропасть из которой нет выхода. В которую не просачивается ни единый лучик света. В которой больше нет ничего.

— Ты знала, — говорю я.

Катя кивает. Один раз. Потом еще. Слезы текут по ее щекам.

— Прости меня, — шепчет она. — Прости, пожалуйста.

Я такая дура. Я трусиха. Я думала, что он сам тебе все расскажет. Что он поступит, как нормальный мужик.

— Ты знала, — повторяю я. Голос чужой, не мой. — Ты знала и молчала. Все восемь лет знала? Два года? Три? Сколько?

— Два..., — плачет она. — Два месяца, Вер. Всего два месяца. Я клянусь тебе. Я случайно увидела их в ресторане. Они сидели в углу, с ребенком. Я думала, обозналась. А потом он обернулся. Это был Матвей, Вер. В том ресторане, я встретила именно твоего мужа. В компании той женщины и ребенка.

— И ты ничего мне не сказала, — мой голос становится тише. Срывается. Кажется, что из него уходит вся жизнь. Все силы, которые еще держали меня на плаву.

Моя лучшая подруга. Она знала. Знала и молчала.

Глава 11

Вера

Я смотрю на Катю. На человека, которого считала своим самым близким другом, и молчу.

— Это было перед Новым годом, — продолжает она, размазывая слёзы по лицу. — Я хотела подойти к ним, закричать, устроить скандал. Но рядом с ними сидел тот мальчик. Их сын, как я позже узнала. Я растерялась. Но Матвей меня заметил. Он вышел следом за мной в гардероб, схватил за руку и сам начал разговор. Он сказал: “Катя, умоляю, не говори Вере. Я сам скажу. Дай мне время, я сам всё расскажу. Это ошибка, я запутался, но я всё исправлю. Не разрушай семью, прошу. Сразу после праздников я с ней поговорю”.

Катя замолкает, кусает губы.

— И ты поверила, — говорю я тихо.

— Поверила! — она почти кричит. — Я думала, он нормальный мужик. Думала, что он сам разберется со всем. Я думала, если я расскажу тебе, то я буду той, кто разрушил ваш брак. А он обещал, что всё решит. Я ждала. Январь прошел, но от него ни слова. Я писала ему. Спрашивала, сказал ли он тебе, но он постоянно говорил, что еще немного. И вот февраль подошел к концу, а он все молчит. И сегодня, и я уже собиралась тебе написать. Честно, у меня даже сообщение было набрано. А тут эта авария... Я поняла, что, если

умру, ты так и не узнаешь правду. Или узнаешь от кого-то чужого и возненавидишь меня уже навсегда.

Она замолкает. Смотрит на меня заплаканными глазами.

— Я не молчала годами, Вер. Я просто ждала, что он выполнит свое обещание. А он всё откладывал и откладывал... Я думала, он сам тебе все скажет. Что сделает это правильно. Что, если расскажет он, то причинит тебе меньше боли, чем я.

Она бьёт себя кулаком по коленке и продолжает, пока я пытаюсь переварить ее слова.

— Я боялась. Боялась, что ты спросишь: “А почему ты сразу не позвонила? Почему дала ему время?” И ты будешь права. Я не знала, как смотреть тебе в глаза. А сегодня, когда машина закрутилась... я подумала, что всё. Больше нельзя молчать.

Я смотрю на неё. На свою лучшую подругу. Которая два месяца носила в себе эту тайну. Которой Матвей заткнул рот обещаниями.

— Я...как ты могла, Кать? — говорю я тихо. — Ты молчала. Любая нормальная подруга бы позвонила. Сделала бы фотографии. Отправила мне. Предупредила бы, но никак не молчала.

— Знаю, — шепчет она и тут же хватается меня за руку.

— Я боялась. Правда. Я думала, ты не согласишься. Или согласишься, и вы разведетесь, а я буду виновата. Я думала, может, у него это случайно, может, он сам разберется.

Я смотрю на нее. На свою лучшую подругу. Которая знала все.

— Ты видела их, — говорю я. — Ты видела его с ними.

— Вер, прости...

— Ты видела его с сыном, — перебиваю я. — И молчала. Ты знала и молчала.

— Я думала, это не мое дело...

— Не твое дело? — мой голос срывается на крик. — Катя, ты моя лучшая подруга! Ты крестная Ани! Как это может быть не твоим делом?

Она плачет. Размазывает тушь по щекам. Снова и снова повторяет про страх, про то, что не хотела разрушить семью, про то, что думала, что он все же расскажет мне.

Я отворачиваюсь. Смотрю в лобовое стекло. Фонарь горит желтым. На улице пошел снег. Крупный, липкий.

— Вер, — Катя тянет меня за руку. — Верочка, пожалуйста. Я дура. Я идиотка. Я готова была тебе сказать сто раз, но каждый раз останавливалась. Я думала, если скажу, то ты возненавидишь меня. А я не хотела тебя терять. Чтобы я не сделала, я бы была виновата в конечном итоге.

— Я отвезу тебя домой, — говорю я ровно.

Она замирает.

Я завожу двигатель. Смотрю в зеркала. Выруливаю с обочины.

Катя сидит молча. Только всхлипывает иногда.

У ее подъезда я останавливаюсь. Катя не выходит. Смот-

рит на меня.

— Вер, мы поговорим позже? Ты простишь меня когда-нибудь?

— Я не знаю, Кать, — отвечаю я. — Я вообще ничего не знаю. Иди. Тебе надо отдохнуть.

Она медленно открывает дверь. Выходит. Стоит под снегом, смотрит на меня сквозь мокрое стекло.

Я нажимаю на газ.

В зеркале заднего вида ее фигура становится все меньше, расплывается в белой круговерти. Потом исчезает совсем.

Я еду за Аней. Снег валит. Фары режут белую пелену. В салоне тихо, только двигатель гудит.

И понимаю, что я совсем одна. И теперь у меня нет даже подруги.

Глава 12

Вера

Я паркуюсь за углом школы. Руки на руле все еще дрожат, хотя слезы уже высохли. Осталась только пустота и противный холод под ребрами.

Смотрю в зеркало заднего вида. Глаза красные, веки припухшие, тушь размазана серыми тенями под глазами. Я шиплю сквозь зубы, открываю бардачок, нахожу влажные салфетки. Тру лицо, пока кожа не начинает гореть. Несколько раз моргаю, пытаюсь вернуть глазам нормальное выражение.

Глупо. Какое там нормально может быть после того, что я узнала.

Последнее занятие у Ани заканчивается в семь. Я смотрю на часы. Стрелка показывает на без пяти. Выхожу из машины, глубоко вдыхаю холодный воздух. Снег падает с неба и тает на щеках, как только касается теплой кожи.

Иду к школе. Ноги не хотят слушаться, но я заставляю себя ставить их ровно, прямо, как будто всё в порядке.

У крыльца уже толпятся родители. Несколько знакомых лиц кивают мне, и я без раздумий киваю им в ответ. Одна из мам нашего родительского комитета замечает меня и тут же направляется в мою сторону.

— Вера Александровна! — щебечет она, подходя. — А я вас ищу. Мы с вами так и не обсудили подарок для учитель-

ницы на Восьмое марта. Вы не могли бы сейчас задержаться?

Я делаю шаг в сторону, пытаюсь сохранить дистанцию, но она не отстаёт.

— Наташ, извините, я сегодня очень спешу, — говорю я, косясь на двери школы.

— Но Вера Александровна, вы же председатель в родительском комитете, нам нужно определиться с бюджетом, а без вас нельзя, — она достаёт телефон, тычет в экран. — Там ещё цветы заказывать нужно, конверт для учительницы, подарок от класса... Мы остановились на сертификате, но сумма разошлась. Ваше мнение очень важно.

Я смотрю на неё и вижу, как шевелятся ее губы, но слова проходят сквозь меня, как сквозь вату. Она хочет обсудить подарок. А я ни о чем не могу думать, кроме своих проблем.

— Наташа, — перебиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Давайте завтра. Честно, я сейчас не могу.

— Но список для закупа нужно утвердить сегодня, — она не сдаётся. — Вы же понимаете, чем ближе праздник, тем дороже цветы. А я уже забронировала их. Если мы сегодня не подтвердим заказ, то поставщик отдаст его другим.

— Завтра утром, — говорю я твёрже. — Позвоните мне завтра утром.

Она смотрит на меня с сомнением, поджимает губы, но кивает.

— Хорошо, договорились. Завтра обязательно. У вас-то все хорошо?

— Всё отлично, — выдавливаю улыбку. — Работа, дети. Сами понимаете.

Она понимающе вздыхает и отходит к другим мамам.

Дверь школы распахивается, и дети начинают выбегать. Я вглядываюсь в толпу и вижу её.

Аня стоит на крыльце. Рядом с ней мальчик. Незнакомый. Светловолосый, в очках, серьёзный не по годам. Они о чём-то разговаривают, Аня смеётся, дружески хлопает его по плечу, потом оборачивается и бежит ко мне.

— Мам! — кричит она ещё издали. — Мам, ты не поверишь!

Я ловлю её в объятия, прижимаю к себе слишком крепко.

— Мам, ты чего? Задушишь же, — она мягко высвобождается, но довольно улыбается. — Там такое сегодня было!

— Пошли, — беру её за руку, и мы идём к машине. — По дороге расскажешь.

Аня вырывает руку и бежит к машине, то и дело оглядываясь.

— Давай быстрее! — кричит она, открывая дверцу.

Я немного ускоряюсь.

— К нам новенький сегодня пришел. И мы с ним играли! — выпаливает она, как только я сажусь на водительское сиденье.

Сердце пропускает удар. Я завожу мотор, смотрю на дорогу. Снег всё валит.

— С кем? — чуть слышно спрашиваю, уже зная ответ.

— С Егором! — радостно сообщает она. — Он сегодня пришел, на уроки. Помнишь, ты говорила, новенький мальчик будет? Ну вот его мама привела. Сначала он стеснялся, а потом ничего, нормально. Его посадили со мной за парту. Так что теперь мы будем вместе сидеть. Круто, да?

Я молчу. Сжимаю руль.

Его уже перевели в эту школу? Почему так быстро? Еще же не прошло недели. Почему он уже пришел в наш класс?

И как же слова мужа, что он решит этот вопрос? Что его внебрачный сын не будет учиться с нашей дочерью? Его слова ничего не значили?

— Мам, ты слушаешь? — она заглядывает мне в лицо.

— Да, Ань, слушаю.

— А ещё мы на перемене рисовали. Он показал, как дракона рисовать. Ты бы видела! У него суперски получается. У меня так не выходит, но он обещал научить. Он вообще, похоже, лучше всех в классе рисует. И ещё его мама принесла домашнее печенье с шоколадной крошкой и всем раздавала. Такая вкуснятина! Она красивая и добрая, спросила, как меня зовут, и сказала, что имя у меня красивое. А ещё Егор рассказал, что его папа часто в командировках, как и наш. Представляешь? Я ему сказала, что у меня тоже папа в разъездах. Мы прямо похожи! — она говорит быстро, взхлёб.

Я слушаю и чувствую, как внутри меня что-то разрывается. Медленно, с противным хрустом.

— Мам, ты чего? — Аня вдруг замолкает и вглядывается

в моё лицо. — Ты какая-то странная сегодня.

Я сглатываю. Заставляю губы сложиться в улыбку.

— Устала, — говорю я. — День был тяжелый.

— А, — кивает она и тут же продолжает: — Так вот, можно я его как-нибудь в гости позову? Мы бы вместе рисовали, он классный, мам. Ты не против?

Я смотрю на неё. На её горящие глаза. Она не знает. Она совсем не знает, что этот “классный мальчик” — её брат. Что его “красивая добрая мама” — женщина, с которой её отец делил постель последние восемь лет.

— Ма-ам? — тянет Аня. — Ну можно, а?

— Посмотрим, — говорю я. Голос хриплый. — Вы ещё не так хорошо знакомы. Давай позже обсудим.

— Но мы уже познакомились! — обиженно возражает она. — Мы теперь друзья.

— Аня, — я стараюсь говорить мягко. — Давай не сейчас. Просто не сейчас.

Она вздыхает, отворачивается к окну. Она обиделась. Я смотрю на дорогу, снег летит в лобовое стекло.

— Мам, а папа сегодня поздно приедет? — спрашивает она спустя минуту.

Я молчу секунду.

— Не знаю, — говорю я. — Он занят. Работы много.

— Как всегда, — вздыхает она. — Егор тоже говорил, что его папа много работает. Но он обещал позвонить ему сегодня вечером. Наверное, у них такая работа.

Она задумчиво смотрит в окно.

— Слушай, мам, а вдруг наши папы знакомы? Если они оба в командировках, может, они даже вместе работают? Представляешь, какой был бы сюрприз?

Да уж. Лучше бы они просто были знакомы.

Глава 13

Вера

Я резко нажимаю на тормоз перед светофором. Аня ойкает.

— Мам, ты чего?

— Ничего, — выдыхаю я. — Светофор красный.

— А, — она пожимает плечами и замолкает.

Мы въезжаем во двор. Я паркуюсь, глушу двигатель. В салоне становится тихо.

— Мам, — мягко тянет Аня. — Ты злишься на меня?

— Нет. На что я должна злиться? — я поворачиваюсь к ней.

— Не знаю. Ты просто молчишь и... какая-то странная.

— Нет, дорогая, я не злюсь. Ты же у меня самая лучшая, — шепчу я. — Самая любимая.

— Я знаю, но..., — говорит она.

— Я немного устала, Ань. Пошли домой. Ты, наверное, хочешь кушать?

— Хочу, — она берет портфель и выпрыгивает из машины. Я выхожу вслед за ней. — А что есть будем?

— Не знаю, а что бы ты хотела?

— Макароны с сосисками! — радостно взвизгивает она.

— Давай макароны.

Мы идём к подъезду. Аня чуть впереди, на ходу проверяет

телефон. Наверное, переписывается с кем-то из класса. Потом пинает снег, засовывает руки в карманы, зябко ёжится.

Заходим в подъезд. Аня молча тыкает кнопку лифта, снова достает телефон и утыкается в него.

Аня настолько увлечена, что даже не смотрит на меня. Иногда на ее лице появляется улыбка. Я наблюдаю за ней. Когда она успела так вырасти? Кажется, только вчера я вела её за руку в детский сад.

Выходим на этаже. Я открываю дверь. В квартире темно и тихо. Аня скидывает ботинки, вешает куртку и, не оборачиваясь, уходит в свою комнату.

Я готовлю ужин и накрываю на стол. Аня выходит, быстро ест, почти не жуя, и снова исчезает за дверью.

Вечером, перед сном, захожу к ней. На удивление, она уже спит, уткнувшись носом в подушку. Волосы разметались.

Я выхожу, ложусь на диван в гостиной и смотрю в окно на падающий снег. Он идёт уже который час. Крупный, липкий, бесконечный. Я смотрю на эту белую круговерть и уже почти провалилась в сон, когда резкий щелчок входной двери вырывает меня обратно.

Я слышу крадущиеся шаги в коридоре. Шорох куртки, которую Матвей вешает, стараясь не шуметь. Ключи ударяются о тумбу, а потом со звоном падают на пол. Он тихо ругается сквозь зубы. Секунда и становится тихо. Он замирает, словно прислушивается, сплю ли я.

Слышу, как он заходит в спальню, включает свет и громко

вдыхает. Я напрягаюсь и, кажется, перестаю дышать. Легкий скрип кровати. И тишина.

Я лежу, смотрю в потолок. И только сейчас замечаю, что все это время я почти не дышала.

Утро приходит слишком быстро. Я не помню, когда уснула, кажется, под утро, на пару часов. Тело ломит, голова гудит, каждый позвонок ноет после ночи на дурацком диване.

За окном серо. Снег все еще валит крупными хлопьями. Надо будет выйти сегодня пораньше, чтобы откопать машину. Встаю, иду на кухню, ставлю чайник.

Руки действуют на автомате. Засыпаю кофе в турку, наливаю из фильтра воду, включаю плиту. Смотрю на синий огонь и ни о чем не думаю. Совсем ни о чем.

Слышу тихие шаги в коридоре.

Выхожу из кухни и наблюдаю картину. Матвей стоит у входной двери, куртка наброшена на плечи, в руках ключи, которыми он нервно поигрывает. Волосы мокрые после душа. В коридоре пахнет его одеколоном. Снова сбегает. Ни свет, ни заря пытается улизнуть, пока я не наче разговор, пока можно сделать вид, что ничего не случилось.

— Матвей.

Он замирает в дверях. Секунду стоит ко мне спиной, потом медленно поворачивается.

— Вера, я сейчас очень спешу. У меня встреча рано утром, потом поставщики, потом...

— И долго ты будешь убегать от разговора? — перебиваю

я.

Он вздыхает. Тяжело, театрально, как будто я капризный ребенок, который требует внимания.

— Вера, это подождет. На работе аврал, ты же знаешь. Вечером поговорим. Обещаю.

Слово “обещаю” бьет под дых. Я смотрю на него и вижу, как он уже мысленно вышел из квартиры в попытках избежать этого разговора.

— Вечером, — повторяю я. — Знаешь, Матвей, если ты все же думаешь, что твой сын сам собой рассосется, то ты сильно ошибаешься.

Он дергается. Ключи в руке звенят. Лицо на секунду теряет маску, и я вижу его страх, злость, растерянность. Но он быстро берет себя в руки.

— Не начинай, — цедит сквозь зубы. — Я же сказал, поговорим вечером.

— Я уже начала, — я делаю шаг к нему. Останавливаюсь в метре. Смотрю ему прямо в глаза. — Или мы поговорим прямо сейчас, или я подаю на развод без разговоров.

Тишина.

Абсолютная мертвая тишина. Даже холодильник перестает гудеть. Он смотрит на меня, и я вижу, как его лицо меняется. Сначала неверие, потом шок, а следом усмешка. Медленная, кривая, злая усмешка.

— Вздумала развестись, — говорит он, смакуя каждое слово. — И долго ты об этом думала?

— Матвей, я серьезно. Или мы говорим сейчас, или мы будем разговаривать уже только в суде.

Он снова усмехается. Делает шаг ко мне, нависая надо мной огромной тенью.

— Хорошо, — говорит он тихо, почти ласково. — Тогда подумай еще раз. Хорошо подумай, Вера. И вспомни, в чьем ресторане ты работаешь. Кто платит за все твои шмотки, за детские занятия, за эту квартиру. Ты думаешь, что сможешь прожить без меня? Не глупи. Ты без меня никто. Пустое место.

— Это не твой ресторан, — говорю я, и голос на секунду срывается. — Мы открывали его вместе. Мои родители вкладывали в него деньги, они продали машину, чтобы...

— А теперь это мой ресторан, — перебивает он. — Юридически. Чисто мой. И без меня ты там никто. Поняла? Никто. Ты работаешь на меня, Вера. Я тебя нанял управляющей. И могу уволить в любую минуту.

Глава 14

Вера

Я смотрю на него и не верю своим ушам. Это говорит человек, с которым я прожила вместе почти двадцать лет. Отец моих детей.

— Ты не посмеешь, — шепчу я.

— Не посмею? — он смеется. Коротко, зло. — Ты хочешь проверить, на что я способен? Давай. Подавай на развод. И посмотрим, как ты будешь крутиться без моих денег. Алименты, конечно, будут. Минимальные. Я умею скрывать доходы. Так что на эти алименты ты ничего не потянешь. Ты даже Диме на сборы не наскребешь. Так что думай, Вера. Думай, прежде чем такие вещи мне говорить.

Он разворачивается и уходит.

Входная дверь захлопывается с такой злобой, что даже окна дрожат. Ключ щелкает в замке пару раз. А следом тишина.

Я стою посреди коридора и не могу пошевелиться. Ни одной мышцей. Ни одним пальцем. Стою как статуя и смотрю на дверь, за которой он только что скрылся. Воздух в груди закончился. Я пытаюсь вдохнуть, но у меня не получается. Еще раз. Не получается.

Он прав юридически, ресторан его. Мои родители вкладывали деньги, но потом были какие-то переоформления, я не вникала, доверяла... Я всегда ему доверяла.

Идиотка.

Я бреду на кухню и опускаюсь на стул. Смотрю на свои руки, которые дрожат. Мелко, противно, не переставая.

В горле застревает ком. Какой же он подлец.

— Мам!

Я вздрагиваю. Аня вбегает на кухню. Сонная, взлохмаченная, в пижаме. Глаза еще слипаются, но она уже улыбается.

— Ты рано сегодня, — мягко обращаюсь к ней.

— Проснулась от какого-то шума, — она забирается на соседний стул. — А папа уже уехал? Я хотела ему сказать...

— Да, милая, папа уехал на работу.

— А, ну ладно, — кивает она. — Мам, а что насчет моего друга? Можно Егору прийти сегодня к нам в гости после школы?

— Ань, давай не сегодня. У меня очень много работы, потом надо будет по делам ехать. И дома вон скопилось сколько всего. У меня не будет сил встречать гостей. Давай перенесем.

Её лицо вытягивается. Улыбка сползает.

— Но ма-ам..., — тянет она. — Мы вчера вечером уже договорились. Он ждет. Он уже спросил у своей мамы, она ему разрешила. Я не могу сказать ему: “нет”, это некрасиво.

— Я понимаю. Но вечером никак. Извини.

Она смотрит на меня с обидой. Губы поджаты, брови сдвинуты.

— Ты всегда так, — бурчит она. — То работа, то дела. А

Егор уже обрадовался. Я ему обещала. Обещания надо выполнять.

— Прежде чем обещать, надо было сначала спросить у меня. И мы уже обсуждали это вчера.

— Но мам!

— Аня, я сказала, нет. Значит, нет.

— Ну и ладно! — она спрыгивает со стула и выбегает из кухни. — Вечно ты все портишь!

Я слышу, как хлопает дверь ее комнаты.

Сажу на кухне. Смотрю в одну точку. Минута. Две. Тишина.

И вдруг слышу, как из ее комнаты доносится голос. Она говорит по телефону вполголоса, но в тишине квартиры слышно каждое слово. Я встаю со стула и подхожу ближе к проему двери.

— Пап? — голос обиженный, с придыханием. — Ты уже уехал? Пап... Мама не разрешает моему однокласснику прийти к нам в гости сегодня вечером. А мы уже договорились, он ждет, а она говорит, что у нее работа, ей некогда, дела домашние. Но мы не будем ей мешать, правда, просто посидим немного. Порисуем. Пап, ну скажи ей, пожалуйста. Ты же умеешь с ней разговаривать. Ну па-ап...

Я замираю.

Если бы она знала все, вряд ли бы она звонила Матвею. Сейчас для нее я плохая, а он хороший. Удобно. Вот только она не знает истинной причины того, почему я не хочу ви-

деть Егора в нашем доме, и, как ей сказать об этом, я пока не имею ни малейшего понятия.

— Мама не против, но говорит ей некогда.

Комната погружается в тишину. Она слушает.

— Правда? — вдруг радостно вскрикивает она. — Спасибо, папочка! Я тебя люблю! Да, я напишу сейчас. Пока!

Слышу приближающиеся шаги и ухожу на кухню. Она бежит обратно. Влетает сияющая, с горящими глазами.

— Мам! — объявляет она торжествующе, уперев руки в бока. — А папа сказал, что можно! Он разрешил. Так что Егор сможет прийти сегодня. Я ему сейчас напишу.

Я смотрю на нее и делаю глубокий вдох и выдох.

— Аня, — говорю я тихо, но твердо. — Я же сказала, что я против.

Она смотрит на меня с недоумением. Радость медленно уходит из глаз.

— Но папа сказал, что можно, — в её голосе появляются металлические нотки, которых я раньше не слышала. — Он разрешил.

— А я нет, Аня! Прекрати со мной спорить. Я против того, чтобы в моем доме, без моего согласия, кто-то решал, что можно, а что нельзя.

— В нашем доме, — поправляет она. — И папа тоже здесь живет. Он имеет право.

Я смотрю на неё и не узнаю. Откуда это взялось? Откуда эти взрослые интонации, эта уверенность, эта манера спо-

ритель?

— Аня, это не обсуждается.

— Но это же просто Егор!

— Ты только с ним познакомилась!

— И что, он мой друг! Мы хотим просто поиграть, порисовать, я уже сто лет никого не звала! Почему ты такая злая?

— Я не злая, Аня. Просто Егор..., — слова застревают в горле. С трудом сдерживаюсь, чтобы не вывалить на нее всю правду.

— Что? — перебивает она. — Что “просто”? Объясни мне! Почему нельзя? Он хороший мальчик. Его мама добрая, он рисует лучше всех в классе, и он мой друг! Ты не можешь запретить мне с ним дружить!

— Аня, прекрати.

— Не прекращу! — она уже кричит, голос звонкий, почти истеричный. — Папа разрешил, значит, он придет! А ты... ты просто не хочешь, чтобы у меня был хороший друг! Ты всегда всё контролируешь!

Она разворачивается и бежит в свою комнату.

Дверь хлопает так, что стены содрогаются. Вся в отца.

Замок в комнате щелкает.

Я стою посреди кухни. Она еще совсем ребенок, но уже умеет так больно бить словами.

Глава 15

Вера

Я стою посреди коридора и смотрю на дверь ее комнаты. Слышу, как она там возится, гремит чем-то нарочито громко, чтобы я знала, что она обижена, она страдает, и в ее понимании в этом виновата только я.

Глубокий вдох. Выдох.

Иду в комнату Ани. Стучу легонько в дверь, открываю ее. Она сидит на кровати, скрестив руки на груди, и смотрит в стену. Просто сидит и демонстративно меня игнорирует.

— Аня, пошли завтракать. Нам уже скоро одеваться и выходить. Мы опаздываем.

— Не пойду, — бросает она, не глядя на меня.

— Прекрати. Обиды обидами, но школу никто не отменял..

— Я сказала, не пойду. Папа разрешил моему другу прийти в гости, а ты всё испортила. Не хочу с тобой разговаривать.

Я подхожу ближе. Сажусь на край кровати. Пытаюсь коснуться её плеча, но она дергается, отстраняясь, как от прокаженной. Резко отдергивает руку.

— Аня, посмотри на меня.

— Нет.

— Я понимаю, ты злишься. Но это не повод пропускать

школу. Давай, вставай.

— Не пойду, — упрямо твердит она, и в этом упрямстве я узнаю Матвея. Ту самую его черту, которая когда-то казалась мне силой характера, а теперь просто какая-то бычья неуступчивость. — Папа сказал, что можно, значит, он придёт. Ты не имеешь права запрещать.

— Аня, — мой голос становится тверже. Я смотрю на неё сверху вниз. — Я имею право сказать нет. Я твоя мать. И пока ты живешь в этом доме, ты будешь делать так, как я скажу. А теперь вставай и одевайся.

Она смотрит на меня исподлобья. В глазах проскальзывает ненависть? Нет, скорее обида, замешанная на детском максимализме.

— Ты самая несправедливая мама на свете, — шипит она, но встаёт.

Молча идёт на кухню, что-то впопыхах запикивает себе в рот и идет в коридор. Хватает одежду, начинает одеваться, дергая молнии и пуговицы с такой злостью, будто они ее враги. Куртка не слушается, рукав выворачивается наизнанку, она рычит от злости, дергает еще сильнее. В итоге как то справляется и мы выходим на улицу.

Снег валит. Крупный, липкий, бесконечный. За эту ночь он засыпал весь район. Машина превратилась в белый сугроб на колесах, даже не угадать, где капот, где крыша. Я смотрю на часы, на Аню, которая стоит в двух метрах, демонстративно отвернувшись, и принимаю решение.

— Идём пешком, — говорю я.

— Холодно, — бросает она, не оборачиваясь.

— Значит, идем быстрее.

Мы идём. Аня впереди, я чуть позади. Она не ждёт меня, не замедляется, не смотрит назад. Просто топает по хрустящему снегу, проваливаясь в сугробы розовыми сапогами, и молчит.

Я смотрю на её спину. На розовый рюкзак, который она так любит. На шапку с помпоном, который подпрыгивает при каждом ее шаге. Снег падает ей на плечи, на рюкзак, тает на волосах, выбившихся из-под шапки.

Мы доходим до школы. У крыльца она останавливается. Я подхожу ближе, пытаюсь заглянуть в глаза.

— Аня...

Она молчит. Смотрит куда-то в сторону, на сугроб, на ворону, которая прыгает по снегу. Куда угодно, только не на меня.

— Я люблю тебя, — говорю я.

Никакой реакции. Она просто разворачивается и идет к дверям. Не прощается. Не оглядывается. Исчезает за тяжелой школьной дверью, даже не обернувшись.

Я стою на крыльце. Мимо проходят другие родители, здороваются, я киваю автоматически, даже не различая лиц. Потом разворачиваюсь и иду обратно.

Дома раздеваюсь, долго стою под горячим душем, пытаюсь согреть окоченевшие руки и лицо. Вода обжигает кожу,

пар заполняет ванную комнату, но внутри всё равно холодно. Потом наливаю себе кофе, сажусь за работу.

Надо ответить на почту, проверить отчёты, согласовать меню на следующую неделю, решить вопрос с поставщиками. Привычная рутина.

Я открываю документы, начинаю разбирать письма. Время летит незаметно. Кофе на столе постепенно остывает, я подогреваю его в микроволновке, снова сажусь за стол. Потом еще раз. И ещё.

В голове постепенно становится тише. Мысли о Матвее, о его любовнице, о Ане отодвигаются на второй план. Я настолько погружаюсь в работу, что перестаю замечать время. Солнце за окном светит уже не так ярко, когда я слышу щелчок входной двери.

Смотрю на часы. Половина четвертого.

За Аней надо было идти в школу только к шести. Я встаю чуть резче, чем планировала, и иду в коридор.

— Аня? Ты почему вернулась так ра..., — замолкаю на полуслове.

В дверях стоят двое. Раскрасневшаяся с мороза Аня с мокрыми от снега волосами, выбившимися из-под шапки, с рюкзаком, который съехал на одно плечо. И ОН.

Мальчик.

Светловолосый, с серьёзным лицом. На щеках яркий румянец, в руках рюкзак с теми же дурацкими драконами, которые сейчас рисуют все мальчишки. Куртка расстегнута,

шарф съехал набок. Он смотрит на меня с любопытством и легкой настороженностью.

Это он. Егор.

И она привела его в наш дом. Несмотря на мой запрет.

Я застываю. Сердце пропускает удар, потом еще один. Кажется, я перестаю дышать. В висках стучит.

— Мам, мы пришли! — объявляет Аня и смотрит на меня в упор.

Глава 16

Вера

Я сглатываю. В горле пересохло так, что невозможно дышать. Смотрю на Аню. Потом на этого мальчика. Потом снова на Аню.

— Как вы дошли? — мой голос звучит жёстко, сталь прорежется сквозь хрипотцу от нахлынувшего шока. — Почему ты не позвонила, если вы закончили раньше?

— Нас мама Егора проводила, — Аня пожимает плечами, стягивая шапку и, не глядя, кидает её на полку. Та падает на пол, но она словно не замечает. — Она нас до подъезда довела и ушла. Сказала, что зайдёт за Егором попозже.

— Подними шапку и нормально положи на полку, — говорю я, не повышая тона, но так, что Аня вздрагивает и оборачивается.

Она смотрит на меня секунду, натывается на мой взгляд и молча поднимает шапку, аккуратно убирает на полку.

Егор смотрит на меня снизу вверх, доверчиво и спокойно. Как же он похож на моего мужа. Разрез глаз, брови. Их словно копировали. Это бьёт под дых, но я не позволяю себе отвести взгляд.

Я беру Аню за локоть. Не больно, но крепко, и веду на кухню. Дверь за нами закрывается.

— Аня, — я отпускаю её и скрещиваю руки на груди. —

Ты переступила черту. Ты ушла из школы без моего ведома. Привела постороннего человека в дом, когда я четко дала тебе понять, что против гостей. Ты понимаешь, что это недопустимо?

— Ну, ма-ам! — тянет она, закатывая глаза. — Он не посторонний, он Егор! Мы друзья. И нас проводили!

— Не смей закатывать глаза, когда я с тобой разговариваю, — мой голос режет воздух. Аня замирает. — Мне всё равно, кто он. Правила существуют для всех. Ты меня ослушалась и будешь за это наказана.

— Мам, но он же хороший! — Аня сжимает кулаки. — Он самый лучший в классе! И ты просто...

— Я просто что? — перебиваю я. — Я твоя мать. И сейчас ты сделаешь так, как я скажу. Ты выйдешь в коридор, извинишься перед Егором за то, что втянула его в неловкую ситуацию, и скажешь, что сегодня он идёт домой.

— Мам, ну так же нельзя! Это некрасиво! Я же уже сказала, что он может прийти в гости! — ноет она, поглядывая в коридор. — Мне же будет стыдно.

— В следующий раз будешь меня слушаться и тебе не придётся ничего стыдиться. А сейчас ты проводишь его вниз, дождёшься его маму и вернёшься домой.

Глаза Ани наполняются слезами. Челюсть дрожит. Она открывает рот, чтобы возразить, но я смотрю на неё в упор, не давая слабину.

— Ты поняла меня?

— Да, — выдавливают она сквозь зубы.

— Иди.

Она стоит, сжав кулаки. Дышит часто-часто.

— Мам, — ее голос вдруг меняется. Становится тихим, просящим. — Можно я тогда хотя бы отдам ему свои старые раскраски? С драконами. Я в них всё равно не рисую. Пусть он заберет их, а потом я его провожу вниз.

Я смотрю на неё. Она не просит за себя. Она просит за него. Чтобы ему было не так обидно уходить. Чтобы он знал, что она хорошая подруга.

— Это твои вещи. Поступай с ними так, как хочешь.

Аня выдыхает. Вылетает из кухни.

Я вижу, как она хватается Егора за рукав и тащит в свою комнату.

— Пошли. Мама сказала, что сегодня нельзя в гости, но я отдам тебе свои раскраски. Там такие драконы, ты обалдеешь. У меня целая стопка, мама покупала их мне, когда я маленькая была, но я теперь только на планшете рисую...

Их голоса удаляются. Щелчок выключателя в детской. Шорох.

Я стою в коридоре. Смотрю на дверь, которая так и не закрылась за ними. На ботинки Ани, которые она, конечно, не убрала.

Разворачиваюсь и иду на кухню.

Картошка шипит на сковороде. Я хватаю лопатку, начинаю перемешивать. Получается как-то слишком резко. Пара

кусочков вылетает на плиту. Пусть. Мне сейчас не до этого.

Из детской доносится шелест бумаги. Их голоса. Громкий Ани. Тихий и спокойный Егора. Они там, рассматривают раскраски, как будто ничего не случилось. Как будто через пять минут он не выйдет за дверь и не исчезнет из нашей жизни хотя бы на этот вечер.

Переворачиваю картошку. Раз. Еще раз. Масло брызгает, обжигает руку. Я вытираю руку о полотенце, даже не морщусь.

Злость закипает внутри, как это масло. На Аню за самовольство. На Матвея за всё, что он сделал. На себя за то, что не увидела этой лжи раньше. На ту женщину, которая девять лет молчала, а теперь решила устроить своего сына в класс к моей дочери.

И на него. На этого мальчика, который ни в чём не виноват, но от этого мне ничуть не легче.

Голоса в комнате стихают. Шелест бумаги прекращается. Слышно только возню. Они собираются?

Сейчас уйдут. Аня проводит его до первого этажа, дожждётся его маму, вернётся домой. Потом будет неделю обижаться. Зато в следующий раз подумает, прежде чем нарушать мои запреты.

Картошка готова. Выключаю газ. Стою, опершись руками о столешницу, смотрю в окно. За стеклом серый вечер.

Щелчок входной двери приводит меня в чувство.

Я выпрямляюсь. Поворачиваюсь к выходу с кухни, чтобы

проверить, ушли ли они.

И замираю.

В дверях стоит Матвей.

Он смотрит не на меня. Он смотрит на вешалку. Туда, где аккуратно висит чужая, детская куртка. Где на полу стоят детские ботинки и бледнеет.

Глава 17

Матвей

Захожу в квартиру, и первое, что бьёт в нос — знакомый, но крайне непривычный в этих стенах запах. Пахнет чем-то сладковатым. Вешаю ключи на крючок и замираю.

Из детской доносится какая-то возня. Шорох, а потом голоса.

Сначала я узнаю Аню. Мою дочь. Она тарыхтит без умолку, явно хвастается какими-то своими сокровищами.

И тут второй голос. Он заставляет меня вцепиться в дверной косяк так, что пальцы немеют. Это голос Егора. Моего сына. В моей квартире.

Твою мать.

Я смотрю вниз, на обувь. Рядом с сапогами Веры и Ани стоит пара знакомых ботинок. Его ботинок. А на вешалке висит куртка. Я бы узнал её из тысячи. Мы покупали ее в начале сезона. Я, Настя и Егор. Куртка болотного цвета, с кучей светоотражающих нашивок на рукавах и капюшоне, с модным принтом дракона на спине. Дорогая, качественная, современная. Я хотел, чтобы у сына было всё самое лучшее. Это точно он.

Сердце ухает в пятки и оттуда прыгает прямо в горло. Как? Почему?

Вспоминаю вчерашний звонок дочери. Её просьбу приве-

сти одноклассника в гости после школы. Я разрешил, конечно. Но она не сказала, что это за одноклассник. А я не спросил. Думал, какая-то Катя или Маша из класса. А она припёрлась сюда с НИМ.

Вера выходит из кухни. Останавливается в проёме, скрепчивает руки на груди. Смотрит на меня в упор. В её взгляде лёд и искры одновременно.

Я не говорю ни слова. Просто быстро, почти бегом, прохожу мимо неё в спальню. Закрываю дверь. Комната сжимается, стены надвигаются. Я начинаю наматывать круги. От окна к двери, от двери к окну. Ковёр глушит шаги, но не панику.

Как он здесь оказался? Почему именно он? Почему тем самым одноклассником, которого Аня привела в наш дом, оказался Егор?

И они сейчас в комнате моей дочери. Разговаривают, смеются, играют. И ничего не знают. Кроме того, что они, мать их, **ОДНОКЛАССНИКИ**.

Я хватаю телефон. Пальцы дрожат, но это не слабость, а ярость. Я печатаю коротко и жёстко:

“Вера, зайди. Быстро”.

Не зову. Не прошу. Ставлю перед фактом.

Отправляю. Сую телефон в карман. Снова круги по комнате. Злость душит за горло. Злость на Настю, которая устроила сына в ту же школу, прекрасно зная, где учится Аня. Злость на дочь, которая притащила его.

Вера заходит и закрывает за собой дверь. Останавливается, прислоняется плечом к косяку, скрещивает руки на груди. Лицо спокойное, даже отстранённое. Глаза холодные, изучающие. Она смотрит на меня и молчит.

Я тоже молчу. Секунда, другая. Тишина давит на уши. Но я не тот, кто начинает первым. Я жду.

— Ну? — говорит она наконец. — Что случилось, Матвей? Почему ты не идёшь в детскую? Не хочешь поздороваться с детьми?

Она выделяет последнее слово. Бросает его мне в лицо, как пощёчину.

— Как он здесь оказался? — цежу я сквозь зубы. Голос низкий, хриплый. Я сжимаю челюсти, чтобы не сорваться.

— Ты шутишь? — Вера чуть наклоняет голову. Усмешка кривит губы. — Ты же сам разрешил Ане привести его в гости. Когда я запретила, ты позволил, даже не спросив у меня.

— Я не знал, что это Егор. Аня мне не сказала.

— А должна была? — Вера пожимает плечами.

— Не начинай, — я делаю шаг к ней. Голос становится тише, злее. — Ты понимаешь, что сейчас произойдёт, если Аня узнает правду? А если Егор узнает?

— Аня всё равно узнает, — перебивает она холодно. — Тут слово “если” вообще не работает. Вопрос только когда и как.

Я смотрю на неё в упор. Пытаюсь просчитать, что у неё в голове. Обида? Желание сделать мне больно? Или она прав-

да не понимает, чем это может обернуться?

— Зачем ты егопустила? — спрашиваю я жёстко.

— А что я должна была сделать? — Вера вскидывает бровь. — Выгнать его, как только он переступил порог? Ты сам разрешил. Теперь расхлёбывай. Я и так сделала куда больше, чем могла.

Я подхожу ближе. Практически вплотную. Смотрю сверху вниз.

— Слушай меня внимательно, — говорю я тихо, но так, чтобы каждый звук врезался в ее сознание. — Сейчас ты выйдешь и сделаешь так, чтобы он меня не увидел. А я позвоню Насте и решу этот вопрос. Завтра же Егора в этой школе не будет. Я переведу его в частную школу на другой конец города. Но чтобы сегодня ни звука. Ни Ане, ни ему. Ты меня поняла?

Вера смотрит на меня.

— Поздно, Матвей, — качает она головой.

— Что значит “поздно”?

— А то, — она не отводит взгляд. — Ты так хорошо прятал концы в воду все эти годы, что не заметил главного. Твой сын уже здесь. Он сидит в комнате нашей дочери. Они уже подружились. Они уже не просто одноклассники.

Я отворачиваюсь к окну. Мне нужно время. Нужно пространство для манёвра. А её слова это пространство сужают до размера спичечного коробка.

— И что ты предлагаешь? — спрашиваю я, не оборачи-

ваясь. — Что мне делать? Выйти и сказать Ане: “Дочь, это твой брат, прости, что скрывал правду”? Разрушить её представление о семье?

— Я ничего не предлагаю, — голос Веры звучит устало. — Я просто констатирую факт. Ты создал эту ситуацию. Ты. Не я. Ты её и решай. Но без меня.

Я резко оборачиваюсь.

— Вера, не валяй дурака. Ты не можешь просто стоять в стороне.

— А я и не стою в стороне. Я тебе уже сказала, что подам на развод. И если ты сам не можешь сказать дочери о том, как подло ты поступил, то я это сделаю за тебя, — отрезает она.

— Я решу это, — говорю я жёстко. — Я всё решу. Переведу его в другую школу. Я уже говорил, но ты меня не слышишь.

Я смотрю на неё в упор. В голове проносятся варианты. Уговоры? Бесполезно. Она не из тех, кого можно уговорить, когда она в такой позе. Шантаж? Опасно, но может сработать.

— Ты хочешь развода? — спрашиваю я прямо. — Хочешь делить все совместно нажитое? Хочешь объяснять Ане, почему папа теперь живёт отдельно? Хочешь, чтобы она росла с мыслью, что её семья разваливается?

Вера молчит. Смотрит на меня. В глазах боль. Но не слабость.

— Ты угрожаешь мне? — тихо спрашивает она. — Пытаешься шантажировать тем, что дочь узнает правду?

— Нет. Я объясняю тебе реальность, — я делаю шаг к ней. — Если ты сейчас устроишь скандал, то пострадает не только Аня, но и Дима. И Егор, кстати, тоже. Ты готова разрушить жизнь всех детей ради своей гордости?

— А ты готов был врать им всю жизнь ради своего спокойствия? — парирует она.

Я замолкаю. Она попала в точку.

— Я же сказал тебе, что все решу, — начинаю злиться. Почему она упирается? Ничего не случилось, чтобы устраивать такие сцены.

— Поздно решать, Матвей. У тебя уже есть сын, и ты его никуда не денешь. А, что до Ани..., — она на секунду замолкает. — То с ней я поговорю сама, раз у тебя не хватает смелости. Так что приготовься к тому, что все узнают правду.

Глава 18

Матвей

Вера кладет руку на дверную ручку. Секунда и она выйдет в коридор, подойдет к детской, откроет дверь и одним ударом разнесет всю мою жизнь в щепки, которую я строил годами. Я вижу это так отчетливо, будто все уже случилось.

— Стоять, — говорю я жестко.

Голос режет воздух, как нож. Она замирает, но не оборачивается. Спина прямая, плечи развернуты. Она не боится. Это плохо. Испуганным человеком легче управлять, но Вера не из пугливых.

— Что еще? — бросает через плечо. Голос холодный.

— Ты действительно хочешь пойти сейчас в детскую, и начать объяснять восьмилетнему ребенку, что такое измена и внебрачные дети? — я подхожу ближе. — Готова смотреть в глаза дочери, когда она спросит, почему папа поступил именно так?

Она медленно поворачивается. В глазах арктическая стужа. Смотрит на меня, как на пустое место, которое вдруг заговорило.

— А ты готов смотреть в глаза сыну, который сидит в двадцати метрах отсюда, и делать вид, что он тебе никто? — отвечает она тихо, но каждое слово бьет под дых. — Готов молчать, пока твоя дочь считает его своим другом, даже не

подозревая, что он тот, кто в скором времени окончательно отнимет у нее отца?

Я сжимаю челюсть до хруста.

— Я говорю не об этом, Вера. Я лишь прошу тебя об одном, — цежу сквозь зубы. — Заткнуть свои эмоции на один день. Двадцать четыре часа. Дай мне время решить вопрос без последствий для всех нас.

— Без последствий? — усмехается она. В глазах ни тени веселья. — У нас не получится без последствий. Не спустя девять лет лжи.

— Я прошу тебя не калечить детей, — я делаю шаг к ней. — Ты хочешь правды? Хорошо. Какая правда, Вера? Что девять лет назад у меня была баба, с которой я переспал? Что у меня есть сын? Ты думаешь, Ане это сейчас нужно?

— Аня моя дочь. Мне решать, что ей нужно, — отрезает она. — И я считаю, что она должна знать правду. Всю правду, Матвей.

— А Дима? — я достаю свой последний козырь. — Твой обожаемый сын, который сейчас на сборах за тысячу километров. Он тоже заслужил порцию правды? В один день с сестрой? Чтобы сравнять счета. Или ты не думала о том, чтобы рассказать все и ему?

Вера молчит. Смотрит в упор, просчитывает варианты, ищет слабые места. Я знаю этот взгляд.

— Подожди, — она вопросительно изгибает бровь. — Ты сейчас угрожаешь мне Димой? Нашим с тобой собственным

сыном? — тихо спрашивает она. — Правда?

— Я не угрожаю. Я напоминаю, что раз ты такая правильная, то у твоей правды не должно быть фильтров. Она должна бить по всем. И по тем, кто виноват, и по тем, кто просто стоял рядом.

— Какой же ты омерзительный, Матвей, — говорит она спокойно. Так спокойно, что мне становится не по себе. — Ты настолько прогнил, барахтаясь в своей лжи, что даже сейчас пытаешься сделать наших детей разменной монетой в этой грязи.

— Это называется спасти ситуацию, которую ты хочешь разнести в щепки, — рычу я.

— Я? — Вера поднимает бровь. — Интересно. Это разве я привел чужого ребенка в дом? Это я врал девять лет? Или это я сейчас стою здесь и пытаюсь заткнуть рот жене?

Я подхожу вплотную. Между нами остается всего пара сантиметров. Я смотрю сверху вниз, но она даже не отводит глаз.

— Слушай меня внимательно, — говорю я тихо, чеканя каждое слово. — Ты выйдешь отсюда, сваришь кофе, сядешь на кухню и будешь сидеть тихо, пока я решаю этот вопрос. Сегодня они поиграют и разойдутся. Никто ничего не узнает.

— А завтра? — усмехается она. — Через месяц? Когда он снова придет в гости к сестре?

— Завтра я переведу его в другую школу. Решу с Настей. Это не твоя забота.

— Ты не решишь ничего, и мы оба уже в этом убедились. Все твои слова ничего не значат. Они пустые. А ты говоришь мне, что это не моя забота? — Вера качает головой. — Твой сын сидит в комнате нашей дочери. И теперь он уже моя забота, нравится тебе это или нет.

— Вера, — я повышаю голос, но тут же беру себя в руки. — Не усложняй. Просто не лезь сегодня. Дай мне всё уладить.

Она смотрит на меня долго. Очень долго. А потом делает шаг назад, разрывая дистанцию.

— Знаешь, Матвей, я никогда не думала, что ты можешь быть настолько отвратительным, — говорит она устало. — Но ты не просто отвратительный. Ты трус. Самый настоящий.

— Я не трус. Я реалист.

— Нет. Ты трус, который привык решать вопросы деньгами, потому что боится посмотреть правде в глаза. Ты боишься, что Аня разлюбит тебя. Что Дима перестанет уважать. Что я уйду. Ты боишься остаться один.

— Хватит копать у меня в голове, — обрываю я. — Решай: ты идешь к детям или нет?

Вера смотрит на дверь. Потом на меня.

— Иду, — говорит она спокойно.

И поворачивается к двери.

— Вера!

Она уже тянет ручку на себя.

— Если ты сейчас войдешь в детскую и всё расскажешь, — мой голос становится жестким, как сталь. — Я позвоню Диме. Прямо сейчас. Наберу его номер и расскажу обо всем, что у нас творится. Про то, как ты собираешься разрушить семью. Про то, что у него есть брат. Всё. Он узнает абсолютно все.

Она замирает.

— Что? — тихо спрашивает она, не оборачиваясь.

— Ты слышала. Ты хочешь правды? Хорошо. Пусть будет правда. Для всех. Ты расскажешь Ане и Егору, а я позвоню Диме. Он на сборах, пашет, готовится к соревнованиям, от которых зависит его будущее. Но тебе плевать, да? Главное — твоя гордость.

Вера медленно поворачивается. Лицо белое. Глаза огромные.

— Ты не посмеешь.

— Не посмею? — я усмехаюсь. — Ты сама сказала, что правда превыше всего. Тогда пусть и Дима узнает. В один день с Аней.

Я достаю телефон. Сжимаю его в руке. У нее еще есть время, чтобы передумать. Остановиться. Отступить, но она смотрит мне прямо в глаза, и я впервые за годы нашей совместной жизни, не могу понять о чем она сейчас думает.

Глава 19

Вера

Я смотрю на него и не понимаю. Как родной отец может так поступить со своим сыном?

Нет, даже не так. Как человек может быть настолько слеп, чтобы не видеть, что он сейчас делает? Шантажировать меня нашим сыном, который на протяжении большей части своей жизни вставал в шесть утра на тренировки, когда все спали. Который столько лет шел к своей мечте, по миллиметру, по крупице. Который сейчас там, за тысячу километров, пашет до седьмого пота, потому что верит, что, если выложиться на сто процентов, то всё получится.

А этот человек, его отец, сейчас готов взять и разнести эту мечту в щепки. Одним звонком. Ради чего? Ради своего спокойствия. Ради того, чтобы сохранить лицо перед восьмилетней девочкой, которая и так скоро всё узнает?

Злость поднимается откуда-то из живота. Горячая, обжигающая, как расплавленный металл. Она заполняет грудь, сжимает горло, пульсирует в висках. Я чувствую её вкус. Я никогда не знала, что злость бывает такой всепоглощающей. Что она может вытеснить страх, боль, отчаяние. Оставить только одно — желание уничтожить его. Стереть с лица земли за то, что он посмел даже подумать о таком.

— Не смей.

Он усмехается, достает телефон из кармана и крутит им в руке.

— Не смей что? — переспрашивает он, издевательски растягивая слова. — Защищать свои интересы?

— Ты разрушишь его жизнь, — говорю я, и каждое слово падает в тишину спальни тяжелым камнем. — Он не сможет сосредоточиться. Его мечта, к которой он шёл столько лет, рухнет в одну секунду. Из-за тебя. Из-за твоего эгоизма и трусости.

— А ты не разрушаешь нашу жизнь своим разводом? — он делает шаг ко мне, и теперь мы стоим друг напротив друга. — Почему я должен молчать, если ты собираешься разнести всё к чертям?

— Я? — я смотрю на него в упор, не отводя взгляда. — Это я разрушила семью? У тебя есть другая женщина, Матвей. Ребенок. Считай, что полноценная семья, в которой не хватает только тебя, так ответь мне на один-единственный вопрос. Зачем? Зачем тебе эта семья, если у тебя есть другая? Не проще ли тебе пойти к ним. Твоя любовница точно этого ждёт. Не зря же она заявила в класс к нашей дочери. Чего ты боишься? За что ты ещё тут цепляешься?

— Слушай, оставь свои грандиозные размышления при себе, — он отмахивается, но я вижу, как дёргается его подбородок. Он что-то скрывает. Чего-то боится. Поэтому он здесь. — Я не ушёл из семьи, потому что моя семья — это вы.

Ложь. Это все ложь. Каждое его слово. Я вижу это по то-

му, как он каждый раз отводит взгляд в сторону. Старая привычка, которая всегда выдает его с головой. Здесь есть что-то другое.

— Мы больше не твоя семья. — говорю я тихо. — Ты можешь позвонить нашему сыну. Рассказать ему правду. Разрушить его будущее. Можешь сделать так, что он возненавидит тебя всем сердцем. Но не забывай, что он не дурак. Он не будет слепо верить каждому твоему слову. Ему уже достаточно лет, чтобы понять, кто на самом деле разрушил семью.

Матвей замирает. В его глазах пробегает тень. Сомнение? Страх? Я не знаю. Но я чувствую, что попала в самую точку.

— Ты думаешь, я блефую и не позвоню ему? — его голос становится тише, но от этого не мягче. — Я не блефую, Вера.

— А я и не говорю, что блефуешь, — пожимаю плечами. — Я говорю, что ты идиот, если не понимаешь последствий. Позвони. Прямо сейчас. Набери номер и расскажи сыну, что у него есть брат, которого ты скрывал девять лет. Расскажи, что ты сейчас шантажируешь его мать. Расскажи, что наш брак разрушен, потому что ты спал с другой. Давай. Я с удовольствием посмотрю, как ты будешь это делать.

Тишина. Густая, вязкая. Он смотрит на меня, и я вижу, как в его глазах мечутся тени. Он словно просчитывает варианты, ищет выход.

— Хорошо, — говорит он вдруг, и его голос звучит почти спокойно. — Я не буду звонить Диме. Не сегодня. Но не потому что ты пытаешься сейчас давить на мою совесть, а

потому что я не хочу, чтобы он меня возненавидел за разрушенные мечты. Но это ничего не меняет, — продолжает он, и его губы растягиваются в той самой улыбке, от которой у меня всегда ёкало сердце. А теперь сводит скулы от омерзения. — А теперь скажи мне, куда ты пойдешь после того, как подашь на развод? К родителям? Что они тебе скажут, когда узнают, что ты рушишь семью из-за гордости? Что ты лишашь детей полной семьи? Думаешь, одной с двумя детьми так легко в обществе?

Я смотрю на него и чувствую, как внутри меня что-то умирает. Вера в то, что он человек. Что в нём есть хоть капля совести.

Её нет. Абсолютно. Там пустота.

Я молчу. Смотрю на него и думаю о том, как я могла прожить с этим человеком столько лет. Как могла любить его. Как могла рожать от него детей.

В коридоре раздаётся шорох.

Мы оба замираем. Смотрим на дверь.

Слышим Анин голос. Она что-то говорит Егору, но слов не разобрать. Только интонации. Весёлые, беззаботные.

— Мам! — голос Ани звучит прямо за дверью.

Дверная ручка резко дёргается. Аня толкает дверь. Матвей не успевает среагировать, и она распаивается.

На мгновение я перестаю дышать.

— Мам, а мы можем проводить Егора, — говорит она. — Он до мамы не может дозвониться.

Я смотрю на неё и вижу, как её взгляд скользит по мне, потом по отцу, который стоит около меня.

— О, пап! А ты когда пришел?

— Недавно, Анют, — голос Матвея звучит ровно, даже ласково, но в нем сквозит напряжение. — Буквально пару минут назад зашёл.

— А-а, — тянет она, не совсем понимая, почему мы оба стоим в спальне как вкопанные, но не задаёт лишних вопросов. — Ладно. Я пойду пока собираться. Хотя, может, Егор сейчас дозвонится до мамы, и она его заберет. А-то она не отвечает. Егор, ты же попробуешь позвонить ей еще раз?

Тихие шаги. Затем Аня оборачивается. За её спиной с рюкзаком на плече стоит Егор. В одной руке стопка раскрасок, которые дала ему Аня. В другой ботинок, который он, судя по всему, собирался надеть. Он смотрит прямо на нас, и я вижу, как его лицо меняется.

Он открывает рот.

— Папа...

Глава 20

Вера

Аня замирает с круглыми от шока глазами. Её голова медленно поворачивается от Егора ко мне, потом к Матвею. Брови сходятся на переносице. Она явно не понимает, что происходит.

— Чего? — её голос звенит, как натянутая струна. — Егор, ты с ума сошел? Какой папа? — нервно усмехается она.

— Мой папа, — Егор показывает на Матвея рукой, в которой зажаты раскраски. — Вот же он. Пап, а ты чего здесь делаешь? Ты же говорил, что в командировке.

Тишина. Такая густая, что у меня закладывает уши.

Аня медленно поворачивается и подходит ближе к Егору. Оглядывает то Матвея, то меня.

— Папа? — её голос становится тонким, почти писклявым. — Он твой... он... почему он называет тебя папой.

Матвей молчит. Стоит как истукан

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.